

Annotation

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф.Ф.Павленковым (1839-1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют ценность и по сей день. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы – профессия.

- [И. М. Иванов](#)
 -
 - [Введение](#)
 - [Глава I. Рождение. Детство и юность](#)
 - [Глава II. Начало единодержавия](#)
 - [Глава III. Северная война](#)
 - [Глава IV. Государственные реформы](#)
 - [Глава V. Общественные преобразования](#)
 - [Глава VI. Сотрудники](#)
 - [Глава VII. Семья и последние годы](#)
 - [Глава VIII. Личность](#)
 - [Глава IX. Взгляд на реформу](#)
 - [Источники и пособия](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
-

И. М. Иванов

Петр Великий

Его жизнь и государственная деятельность

Биографический очерк

С портретом Петра Великого,

гравированным в Лейпциге Геданом

Введение

У Отца отечества были, конечно, родители и предки, – те именно самые, на которых указывает “родословие царской фамилии”. Но со стороны наследственности физическая и психическая организация Петра до сих пор не исследована научно. Род Захарьиных-Романовых дал много воевод и сановников. Но они выдвинулись главным образом преданностью московским царям и ревностным служением православной церкви. Энергичный и устойчивый характер Филарета во многом уступает несокрушимой воле и широкому размаху могучих страстей Преобразователя. От кого наследовал Петр талант полководца, дальновидность политика, правдивость и гений великого исторического деятеля, – биографы не дают ответа. Но несомненно, что сила и направление его стремительной воли, не знавшей препятствий, могли выработаться только в условиях московского самодержавия. Для Петра “я хочу” сливалось с формулой “быть по сему”, образовавшейся исторически. Исходным пунктом власти московских царей послужила защита русской народности и охрана правоверия. С поворотом народной жизни от востока к западу самодержавие принимает формы европейской государственности.

“Тишайший” царь Алексей высказывал самое возвышенное представление о своих самодержавных правах: “Бог благословил и предал нам, государю, править и рассуждать люди свои на востоке и на западе, и на юге, и на севере вправду”. Но между желанием и исполнением лежала целая пропасть; действительность не мирилась с субъективным настроением царя: “Добрый Алексей, – пишет Мейерберг, – находится совершенно в осаде у своих вельмож и любимцев, так что никому нет к нему доступа. А эти любимцы скрывают от него вопли угнетенных ими, и нужды царства, и поражение войск русских; если же не скрывают, то представляют все в таком виде, как это нужно для их целей”. Царь терял связь с народом, с русской землей. Был момент, когда московское самодержавие перерождалось в восточную деспотию. Но обожествления человеческой личности, на какой бы высоте она ни стояла, не допускало натуральное мирозерцание славян и сущность христианского вероучения. Мистификация была невозможна также вследствие международного положения государства. Москва слишком близко придвинулась к западноевропейским культурам.

Право, как известно, не существует искони, а образуется во времени,

не субъективным произволом людей, а объективным процессом жизни народов. От первоначальных условий зависит судьба каждого исторического движения. Остановимся поэтому на главных моментах эволюции московского самодержавия, которое впоследствии преобразуется в высшие формы государственности.

Татарское иго перенесло центр политической жизни Руси с запада к востоку. Экономический достаток московских князей образовал ядро новой государственности. Князья-помещики, князья-хозяева прежде всего заботились о том, чтобы умножить свои имения и обратить их в наследственную вотчину. Они с одинаковым искусством пользовались деньгами, родственными связями и политическими обстоятельствами. Как князья православные, они являлись центром объединения Русской Земли; собирая же ордынскую дань, московские князья, слуги татарского хана, округляли свои вотчины владениями удельных князей и северной вольной Руси. С ростом государства росла и политическая власть. В то же время древнерусская проповедь и письменность подготовляли умы к восприятию новых политических начал. “Цари и князья, – внушали пастыри, – не должны предавать стадо Христово на расхищение зверям, то есть иудеям, эллинам, еретикам, отступникам и всем неверным”. Заимствуя примеры и идеи из ветхозаветной и византийской литературы, православные публицисты создают теорию русского царства.

После флорентийской унии великий князь Московский является в новой роли блюстителя правоверия и назван “царем истинной веры православия”. Великий князь Василий так формулирует свои самодержавные стремления митрополиту Киприану: “Вы поставлены к миру и любви учить, мне же имение собирать и возноситься”. Иван III титулуется себя “Божией милостью единый правый государь всея Руси и самодержец”. С приездом Софии Палеолог он принимает, по преемству от византийского императора, герб двуглавого орла, устанавливает придворный этикет и обычай венчания на царство торжественным церковным обрядом.

Передача власти всех одному происходит почти бессознательно, в силу потребности самосохранения и охраны православия от внешних врагов: татар, поляков, шведов, немцев. Государственное тело росло, крепло, развивалось и распространялось по направлению меньшего сопротивления: теряли вольность Псков и Новгород, покорялись Казань и Астрахань, завоевывалась Сибирь, возвращались Литовские земли, присоединялась Малороссия. Самой элементарной, но и самой главной потребностью оставалась потребность национальной защиты и политического роста.

Международные столкновения развивают внутреннее строение. Политические отправления налагают некоторые ограничения на свободу граждан и поселян. Сложное сотрудничество, то есть разделение труда, благодаря которому только и возможно общество и развитие военной силы, получает организацию принудительную и приказную. По мере роста социального организма ослабевают прежние кровные связи между особями, опека рода над личностью; уничтожаются первоначальные природные подразделения; мелкие местные общества соединяются в более крупные. Самодовлеющая организация отрицает всякое независимое сотрудничество, всякий другой свободный союз. Все сословия призываются на службу государства. В XVI столетии московское правительство еще не установило этого правила, но историческая действительность уже подготовила материальные условия для его установления.

Так, отдельные слои населения, посредством “службы”, “тягла”, “крепости к земле”, становятся полусвободными сословиями Московского государства.

Царствование Иоанна IV представляет собой кровавую страницу борьбы власти с московской аристократией и окончательное поражение последней. Грозный повелел “хотение свое творити от Бога повинным рабом”, которые “по Божию повелению не должны отметаться своего работного ига и владычества своего государя”. Он с негодованием отвергает всякое значение избранной рады, так как, по его мнению, российские самодержцы “изначала сами владеют своими царствами”, и государь не может назваться самодержцем, “если не сам строит”. В том же смысле он писал Курбскому: “Тщуся со усердием люди во истину и на свет наставить, да познают Бога истинного и от Бога данного им государя”.

Смутное время опять выдвигает на историческую сцену понятные и дорогие для массы интересы народности и православия, которые осуществиться, по народному воззрению, могли только в конкретных и универсальных формах московского самодержавия.

Для избрания царя земские люди собрались в Москве – традиционном центре политической жизни России. Знатные бояре не однажды, в годы малолетства царей и междуцарствия, захватывали верховную власть в свои руки; они и теперь не упускали случая приобрести первенствующее значение в государстве. При избрании на царство шестнадцатилетнего Михаила Шереметев пишет к князю Голицыну: “Миша Романов молод, разумом еще не дошел и для нас будет поваден”. У народа были, конечно, свои соображения. В его сознании свойство кровного родства

отождествлялось с правом, имевшим историческое происхождение. “Избрали люди и все православные на Московское царство царем от царска роду, царя Федора Ивановича племянника”, – говорится в псковской летописи; то же самое и в летописи Никоновской и о мятежах. Имя Романовых было особенно популярно в народе: Анастасия из их рода – первая жена Иоанна IV; о Никите Романовиче в народе говорили, что он спас многих от гнева и казней Грозного; были свежи предания и о страданиях семейства Романовых при царе Борисе; наконец, поведение Филарета в деле посольства, его пленение придавали ему значение “мученика за веру и за русскую землю”. Избранный в цари народною волею, Михаил Федорович во всех важных делах совещался с боярами, духовенством и земскими соборами.

При Алексее Михайловиче самодержавие достигает высшего развития, подчинив духовное сословие светскому суду и власти. Личные качества царя, в особенности богословская начитанность, обеспечивали за ним полное торжество при столкновении со своенравным патриархом. Но Никон является только выразителем притязаний всего духовного сословия. Гораздо раньше представители церкви проводили в своих посланиях ту мысль, что авторитет священнослужителей выше государственного авторитета. Так, в поучении митрополита Алексея сказано: “А людская чадь Бога бойтесь, а князя чтите, а священство имейте выше своя главы со всяким покорением, без всякого прекословия”. То же самое говорит и Никон; его тон страстнее, речь воодушевленнее, потому что он имеет дело с конкретными фактами возвышения самодержавия. Но, не добиваясь возвышения патриаршего престола, Никон в то же время не мог признать подчинения церкви государству.

В борьбе с древнерусской церковью самодержавие нашло для себя поддержку в греческом и, в особенности, малорусском духовенстве. Когда потребовалось переводить Священное Писание, московские ученые книжники “находили еретический смысл там, где встречались грамматические особенности и непонятное для них значение слов”. Пришлось обратиться к чужой помощи: техническая сторона церковной реформы поручена ученому Славинецкому и другим киевским монахам.

Старообрядцы, оставшиеся верными местному преданию, признаны были не только раскольниками, но и государственными преступниками. Их пытали жестокими муками, чтобы выведать учителей; наказывали кнутом и ссылкой каждого, кто укрывал их. Заведомых раскольников казнили или жгли в срубах, а пепел развеивали по ветру. Старообрядцев власть покоряла авторитетом легального духовенства и обновленной церкви, а над самим

великорусским духовенством возвышалась авторитетом учености киево-малорусских монахов.

“Вы, новые мудрецы, – писал о них Дамаскин, – выучите по-латыни b, c, d или немного более этого, да и величаетесь; других унижаете, всякий сан, и архиерейский, и священнический, ни во что вменяете, людей искусных в Священном Писании обзываете неуклами и невеждами”.

Но правительство предпочитало “новых мудрецов” старому, но невежественному московскому духовенству.

Таким образом, церковная реформа шла в руку государственному началу и была новою ступенью возвышения московского самодержавия.

Около того времени приехал в Москву славянский публицист Юрий Крижанич, с намерением потрудиться в России для своей любимей идеи всеславянства. “Ты единый царь, – говорит он Алексею, – ты нам дан от Бога, чтобы пособить и задунайцам, и ляхам, и чехам, дабы познали свое угнетение и унижение, помыслили о своем просветлении и сбросили с шеи немецкое ярмо”. Крижанич указывал на необходимость преобразований, предвосхитив, таким образом, своей программой многие из будущих реформ. “Мудрость, – пишет он, – переходит от народа к народу~ Теперь пришло время для нашего народа учиться; Бог возвысил на Руси такое славянское государство, какому подобного не было в нашем народе в прежних веках; а мы видим у других народов: когда государство возрастет до высокой степени величия, тогда и науки начинают процветать в народе”. Но воззрения пропагандиста на единую церковь Христову и желание “мирить греков и римлян” вызвали преследование сильных мира сего: с Крижаничем расправились бесцеремонно – сослали на жительство в Тобольск.

Религиозные отношения оказались бессильными связать одноплеменные народы. Деятельное и живое общение Москвы с Западом развилось на почве интересов экономических и политических. Семь веков мы прожили вне общечеловеческих влияний! Органический рост продолжался слишком долго: весь удельно-вечевой и московский период. Москва свергла татарское иго и наследовала внешний блеск Византии, но по своему внутреннему строению осталась самобытным государством, с явно выраженными признаками военного типа. Мирные поселяне, живущие в общинно-трудовом укладе, никогда не могли понять интересов государства и протестовали бунтами, бегством в казачество, переходили в раскол или колонизировали новые земли.

Много было горячего материала в самой Белокаменной; рядом уживались разнообразные общественные элементы: холопы и бояре,

кабальные, вольные люди и приказные, посадские и именитые гости, раскольники и никонианцы. Низшие классы находили исход из бедности и угнетения только в пьянстве да грабеже. Знатные бояре, как владельцы феодальных замков, разбойничали по проезжим дорогам и из своих хором, обнесенных высоким тыном, выпускали на прохожих псов и вооруженных холопов. Случалось, что стрельцы, по самым ничтожным поводам, шли войной на солдат Немецкой слободы: тогда на мирных улицах и площадях первопрестольной разыгрывались настоящие сражения с рукопашной схваткой и пальбой из ружей и пушек. Нередки были бунты и мятежи в Москве. Шумные волны бушующего народа достигали Кремля и царского дворца. Толпа требовала от царя смены временщиков, – “иначе народ погибнет вконец!” Правительство делало уступки, отставляло провинившихся и назначало новых лиц на место их, но порядок дел оставался прежним. В массе постоянно держалось недовольство и глухой ропот на приказное правление, которое слыло под названием “московской волокиты”. Пожары, разбои и волнения – обычные народные бедствия того времени.

“Общее недовольство сословий, – пишет Устрялов, – заметное в последние годы царствования Михаила Федоровича, разразилось, по воцарении сына его, страшным бунтом в Москве, Новгороде, Пскове и других городах. Вскоре после того вспыхнул бунт коломенский; там поднялся на Дону Разин; тут взволновалась Малороссия. Даже мирная обитель Соловецкая возмутилась”.

Между народом и государством существовал постоянный антагонизм. Сила Русской Земли сконцентрировалась, как в фокусе, во власти главы государства, но московская форма не была верным выражением народной жизни. Причина ясна: интересам земли не отвечали порядки, продиктованные политическими потребностями. Когда Московское государство вошло в политические сношения с Западом, сами собой возникали сравнения русских порядков с иноземными и явилась потребность в новых средствах национальной самозащиты.

Россию с культурными народами сближали ранее других представители торговли и промышленность, а затем – путешественники и ученые, обладающие страстью к географическим открытиям или приезжающие в Россию с политическими намерениями и предложениями.

Медленно, но непрерывно завязывались торгово-промышленные сношения между русскими и иностранцами. Мало-помалу англичане забрали в свои руки всю внешнюю торговлю Московского государства. Русские торговцы из разных городов подали царю Алексею челобитную, в

которой умоляли “не дать им, природным государевым холопам и сиротам, быть от иноверцев в вечной нищете и скудости”, иноземцы смеются над русскими купцами: “Мы их-де заставим торговать одними лаптями”. Правительство принимало меры против свободной торговли иностранцев, покровительствовало национальной промышленности, вызывало из-за границы мастеров и заводчиков, но своим подданным не разрешало свободного выезда из пределов государства.

За границу ездить “не позволено!” кроме как по царскому указу да по торговым делам. Духовенство опасалось, что православные, “узнав тамошних государств веру и обычаи, начали бы свою отменять и приставать к иным”. За тех, которые торгуют за границей, собирали “познатных нарочитых людей поручные записи, за крепкими поручками”. А кто был за границей без проезжей грамоты, того, “пытавши, казнили смертью”; когда же оказывалось, что он ездил действительно по торговому делу, то били только кнутом, “чтобы иным неповадно было” (“Уложение”, VI, 40).

Но “новшества” проникали в жизнь силой вещей. Предметы удовольствия и удобств жизни допускались во дворце и домах московской знати; наибольшее распространение приобрели часы, музыкальные инструменты, немецкие платья, картины, заграничные экипажи. Среди бояр выделялось несколько западников: Матвеев, Ордын-Нащокин, Ртищев. Тем не менее старая московская партия была еще сильна и крепко стояла за национальную обособленность и косность. Сохранился указ “о ношении платья и нестрижении волос по иноземному обычаю”, данный в последний год царствования Алексея Михайловича (Полн. собр. зак., № 607, августа 1675 г.). Но распоряжение патриарха и происки старой партии являлись теперь, что называется, отрицательной пропагандой новшеств. Через запрещение желание обладать удобствами жизни не уменьшалось, и никакими средствами нельзя было уничтожить раз проникшие в жизнь представления о культуре. Неудовлетворенные потребности становились страстнее и интереснее, – вот причина, почему поток нововведений проявил особенную силу и стремительность, когда снесена была плотина запрещений.

При царском дворе уже служили иностранцы: доктора, аптекари, окулист, алхимик, переводчик, часовых и органичных дел мастера и пр. – под ведомством аптекарского приказа. Государственные потребности и, в особенности, ратное дело требовали участия в русской службе иностранцев: офицеров, артиллеристов, инженеров и разных мастеров. При Алексее Михайловиче, по настоянию духовенства, все иностранцы, разных

национальностей и исповеданий, выселены были из Москвы на окраину города, в особую слободу, прозванную Немецкою: здесь обитали представители разных ремесел и искусств, принадлежащие к различным национальностям.

Когда Московское государство готово было выйти из национальной замкнутости и отчужденности, тогда оно встретило враждебное отношение к себе соседних государств – Польши, Швеции и даже городов Дерпта, Ревеля, Любека и др. Мотивы его откровенно формулированы еще в 1567 году королем польским Сигизмундом в письме к королеве английской Елизавете: “Дозволить плавание в Московию воспрепятствуют нам важные причины, не только наши частные, но и всего христианского мира и религии, ибо неприятель от сообщения просвещается и, что еще важнее, снабжается оружием, до тех пор в этой варварской стране невиданным; всего же важнее, как мы полагаем, он снабжается самими художниками, так что, если впредь и ничего не будут привозить ему, так художники, которые при таком развитии сообщений легко ему подсылаются, в самой той варварской стране наделают ему всего, что нужно для войск и что доселе ему было неизвестно”.

Противопоставление самодержавия народной жизни, с одной стороны, и политическим организациям Запада, с другой, не могло не оказать реакции на сознание главы государства и расширить содержание московского самодержавия постановкой новых целей для государственной деятельности.

Все цари от Иоанна III до Алексея Михайловича высказывали о своих правах в сущности одно и то же, варьируя только выражения: московский царь – единый православный царь всей Русской Земли. Таково сознание самодержцев – традиционное и идеальное, приподнятое внушением духовенства над фактическими отношениями. Их самосознание было больше созерцательным, чем деятельным, конкретной формой религиозного и племенного самосознания, замкнутым, устойчивым, передаваемым почти без изменения из поколения в поколение, по традиции. В законе не было еще определения прав самодержавия. Власть отождествлялась с субъектом царя, право – с благочестием и нравственностью. Перемена в экономических и международных отношениях производит кризис в национальном самосознании. Созерцательность, призрачность, самодовольство сменяются сравнением, критикой и, более или менее, сознательной и целесообразной государственной деятельностью.

Внешние отправления – то есть политика – и внутренние процессы –

то есть социальная жизнь – государственного организма могли быть примирены и согласованы только такими началом и формой, которые, удовлетворяя материальным нуждам народа, в то же время увеличивали бы политическую силу правительства: это начало – культура, эта высшая форма – промышленное государство.

Накопление знаний, в начале богословских, и постоянное сношение с представителями церкви на Западе и Востоке указали на необходимость церковных исправлений. Реформа, в своем зачаточном виде, уже определяла направление и весь дальнейший ход преобразования: во-первых, местное предание упразднено было государственной властью, во-вторых, реформа не коснулась догматов религии, а ограничилась только внешней стороной – обрядностью, знаком, буквою, то есть техникой исповедания. То же самое и в государственной жизни. Древнерусские столпы: народность и православие, – остались не поколеблены прочным базисом национального развития. Но экономические нужды и требования политического самосохранения и роста создали потребность в западной технике, искусстве и науке. Хозяйство, войско, управление стали организовываться по западноевропейским образцам и под непосредственным влиянием иностранцев. Так, при Алексее Михайловиче, в одном 1661 году, вызвано было из-за границы до 400 иностранцев, а при его сыне Федоре устроено до 63 полков по иноземному образцу. Под влиянием западничества деятельность правительства усложнилась – и если не было еще сознательной постановки внешних целей для правительственной деятельности (ранее господствовали преимущественно интересы религии, расы и нравственности: Алексей Михайлович хотел “править правду”), то теперь на очереди стали новые функции государства: социальные, культурные и политические. Никогда в столь короткий промежуток времени не производилось такого множества перемен. Первое место, конечно, принадлежит церковной реформе и устройству ратного дела; было сделано несколько попыток развития путей сообщения и внешней торговли. При царе Федоре уничтожены “разрядные книги” и местничество; наконец, созван собор “для уравниения людей всякого чина в платеже податей и в отправлении соборной службы”. Но потребности внутренней международной жизни настоятельно требовали не исправления каких-либо отдельных отраслей управления, а более важных, коренных преобразований государственного строя и народнохозяйственного быта.

Под влиянием польским и германо-протестантским прежде всего реформируется дворцовая и придворная жизнь. Распространяются иностранные приемы общежития, новые удовольствия и увеселения. В

молодости царь Алексей писал: “Тем утешаюся, што стольников купаю еже утро в пруде”, – и давал им потешные клички. Своему врожденному чувству художественности он мог удовлетворять только церковной обрядностью, царскими выходами и торжественным приемом послов. Теперь с женитьбой Алексея Михайловича на Наталье Кирилловне, воспитаннице западника Матвеева, при дворе одни нововведения следуют за другими: сам царь сознательно тянет к Западу, хотя все еще высоко чтит авторитет патриарха и старины. При дворе устроен театр, в котором даются разные комедии с пляской и музыкой. Симеон Полоцкий, придворный проповедник, сочиняет силлабическими виршами комедийные пьесы. Заведена первая театральная школа. По желанию царя Матвеев устроил себе дом в европейском вкусе и украсил свои палаты картинами и мебелью иностранных мастеров. Женщины, родственницы Матвеева, допускаются в мужское общество, и, к соблазну приверженцев старины, даже сама царица Наталья Кирилловна позволяла себе ездить в открытой карете и показываться народу.

По исчислению одного путешественника, в это время жило в России около 18 тысяч иностранцев.

В родовой вотчине Романовых, в селе Измайлове, в трех верстах от Преображенского, хозяйство велось по иноземному способу. На образцовом хуторе заведены новейшие машины. Мололи хлеб силою ветра или колесами без воды; подымали воду на высоту насосами. Разведен ботанический сад; выписывались из-за границы фруктовые деревья и другие растения; была устроена, по выражению Забелина, “земледельческая академия на совершенно европейский образец”. Измайловский стеклянный завод и другие мануфактурные заведения славились своими изделиями и обучили многих русских новым ремеслам и приемам заводского производства.

В XVII столетии прикладные знания распространялись самыми первобытными путями: не книгой и школой, а личным примером, подражанием и переимчивостью. Учреждая фабрики и заводы, правительство должно было вникать во все экономические и технические подробности производства. Оно прибегало обыкновенно к способу самому простому, но и самому убыточному. Вызывались из-за границы мастера, давались им разные привилегии, и к заводам приписывались деревни и села. Так, на обработку руды правительство дало привилегию нидерландцу Иовису и Петру Марселису, с условием выписывать мастеров из Дании. В 90 верстах от Москвы, по Калужской дороге, и близ Тулы и Каширы производилась обработка железа разных сортов: полосового, листового,

прутового, выделялись гвозди, якоря, мельничные снаряды, ступы, ядра и даже лились пушки. Но заводчики постоянно жаловались на недостаток мастеров и умелых рабочих.

Преобразование вызывалось экономическими потребностями времени. Но “в организме государственном, – справедливо замечает историк Соловьев, – нельзя дотронуться до одного органа, не коснувшись в то же время и других, – вот причина, почему вместе с экономическим преобразованием шло и множество других, но и эти последние находились в служебном отношении к первому”. Как бы то ни было, но все элементы реформы были уже налицо: с передвижением Москвы к Западу создались силы и средства для удовлетворения нарождавшихся государственных и общественных потребностей.

Традиция разрушалась, но национальность оттого нисколько не пострадала. До сих пор инициатива сближения Москвы с Западом принадлежала не русским, а самим иностранцам. Так долго не могло продолжаться. Московские цари были представителями живой исторической народности. Рано или поздно среди них должен был явиться человек, обладающий великой верой в творческие силы жизни, который осознает потребность времени и двинет свой народ на путь сознательного сближения с цивилизованными народами.

Глава I. Рождение. Детство и юность

30 мая 1672 года Москва пробудилась до восхода солнца. Царь Алексей послал по городу радостную весть о рождении сына. Весело перезванивались церкви и монастыри. Бояре, окольные и духовенство спешили с поздравлениями в Кремлевский дворец.

Широко раскинулся первопрестольный город малонаселенной земледельческой страны. Над черной громадой домов, окруженных зелеными садами и огородами, подымалось бесчисленное множество церковных глав и колоколен. Но над всем господствовало жилище великого государя – Кремль, с белокаменной стеной и группой церквей с позолоченными главами. Религиозный интерес был в то время преобладающим. Царское жилище напоминало собою монастырь, в котором, как игуменские кельи, раскинулись, без всякого порядка, красивые здания церковной архитектуры.

Издали, под лучами солнца, Москва, – по выражению Олеария, – казалась великолепным Иерусалимом, внутри же она являлась бедным Вифлеемом. Обширные пустыри, нечистоты, грязь на улицах, хотя и мощенных местами бревнами. Многочисленные слободы, между которыми и городом не было резкой границы, окружены выгонами, огородами и нивами. Дома деревянные, со слюдяными окнами, покрыты щепой и соломой, – постоянные жертвы пожаров. Камня мало было в сельской стране, и шел он исключительно на церковные и казенные постройки, да и те не отличались размерами. Красивые и приветливые издали церкви, даже славный Иван Великий, белый столп с золоченой главой, казались гигантами только по малой высоте соседних зданий и прочих городских сооружений.

В Кремлевском дворце служили благодарственный молебен. Об этом дне существует несколько преданий. Наиболее скромное из них передает, что царь Алексей провел накануне всю ночь в молитве и слезах и впал, наконец, в отчаяние от мучений царицы. Тогда предстал перед ним, во второй раз, монах Симеон Полоцкий, “искусный звездочет и богослов”, и предсказал, что царица останется жива и родит сына.

Родился первенец, крепкий, здоровый, чрезвычайно большой и сильный. С него сняли по обычаю “меру рождения” для доски на икону: длиною – одиннадцати, а шириною трех вершков. Эта кипарисовая доска хранится над гробницей императора. На ней изображены образ Троицы и

апостола Петра.

Через час по восходе солнца царь с боярами и духовенством двинулся в собор поклониться праху своих родителей и предков и совершил торжественный обход по церквам и древним монастырям. После обедни, возвратившись во дворец, царь Алексей жаловал, по обычаю, родственников царицы, угощал в столовой и золотой палатах “без зову и мест” бояр и думных людей, полковников и голов стрелецких, оказывал милости убогим, нищим, преступникам. Служили молебны, били в колокола, стреляли из пушек; три дня пировала древняя Москва.

Петра крестили 29 июня в Чудовом монастыре. Крестинным столом закончились придворные торжества. Родители любили и нежили сына. У него была своя детская, обитая серебряными кожами; через два года выстроены новые хоромы. Внутри они покрыты сукном червчатым анбургским и багрянцем; искусные мастера расписали мебель и оконницы красками, серебром и золотом. Штат служащих при дворе царевича помещался в особых деревянных хоромах.

Петр рос и развивался чрезвычайно быстро: на шестом месяце стал ходить. Подвижный и восприимчивый ребенок получал массу живых и приятных впечатлений. Его окружили заботами и роскошью царевича, тешили яркими, гремящими и блестящими игрушками, какие только возможно было достать во дворце. Но, по обыкновению, предпочтение отдавали военным игрушкам. В здоровом и сильном мальчике особенное оживление и радость вызывали бубны, пищали, барабаны, лучки, пушки, топоры, булавы. Общество его составляли “ребятки младшие сверстники” из боярских детей. Прислужники и дядьки развлекали их военными играми и разными забавами. Первые годы Петра протекли среди сельской природы.

Царское семейство часто жило в селе Преображенском, за рекой Яузой, в трех верстах от Москвы, и предпринимало продолжительные путешествия на богомолье и по дворцовым селам. Трехлетний Петр выезжал в особом возке, подаренном ему боярином Матвеевым.

Когда пришло время ученья, 12 марта 1676 года, после обычной церемонии, представлен был к царевичу учителем “муж кроткий и смиренный, и великих добродетелей исполнен, в грамоте и писать искусный, из приказных”; но именно этому самому искусству Зотов и не сумел обучить живого и пылкого мальчика. Наставник показывал царевичу раскрашенные картинки с изображением зданий, городов, кораблей, исторических событий; рассказывал о деяниях Владимира Святославовича, Невского, Грозного и царя Алексея; но главным предметом изучения было

Священное Писание. “Иным языкам, – говорит Кошихин, – латинскому, греческому, немецкому и некоторым, кроме русского, научения в Российском государстве не бывает”. Но зато Петр “все Евангелие и Апостол наизусть или памятью остро прочитал”. Так воспитывали в старину всех царских детей.

После смерти царя Алексея положение при дворе Натальи Кирилловны совершенно изменилось. У нового царя Федора были “неукротимые несогласия” с Натальей Кирилловной. Старшие сестры царя ненавидели свою молодую мачеху. Заодно с ними стояли тетки, старые девы, дочери царя Михаила. Милославские с благоприятелями побуждали Федора преследовать Нарышкиных и всю их партию. Отправили в ссылку Матвеева и двух братьев царицы. Сама Наталья Кирилловна подвергалась всевозможным стеснениям и оскорблениям. Она с сыном удалилась из Москвы в Преображенское; здесь окружали их только родственники и самые близкие люди. Зотова послали в Крым для заключения мира, никем не заменив его при царевиче. На учение и воспитание Петра при дворе не обращали никакого внимания. Борьба партий разрушила устои придворной жизни. По дворцовому этикету того времени, “до 15 лет и более царевича, кроме тех людей, которые к нему уставлены, и кроме бояр и ближних людей, видети никто не может (таков бо есть обычай)”. Отчуждение от двора предохраняло Петра от оупляющего влияния системы придворного воспитания. В Преображенском, в обществе родственников, царевич не был стеснен и гораздо менее мог набраться всяких предрассудков от своей матери, воспитанницы Матвеева, чем среди знатных лиц, окружающих престол. Царевичу была предоставлена полная свобода. Он жил непосредственными впечатлениями, потребностями и стремлениями своей детской природы. Ему были доступны дворец и улица, город и деревня. Из скучного дворца Петр убегал со своими “ребятками из сверстников” на простор полей и в рощи села Преображенского. Шумные детские игры развили воображение и потребность к деятельной жизни. Постоянное общение детей между собою вырабатывало самообладание. Петра ничему не учили, но детская любознательность его не притуплялась, напротив, росла и развивалась с каждым годом. Он учился из непосредственного опыта, при случайных встречах с людьми всех званий и состояний. Выискивалось много охотников, которые находили для себя выгодным давать объяснения и доставлять разные развлечения царевичу и его малолетнему обществу. Нравственное развитие Петра складывалось еще под одним могущественным влиянием. Раздор в царской семье слишком рано будил недобрые чувства и враждебное отношение к родственникам и

знатным боярам. Дома видел он вечно недовольную и тоскующую мать, постоянно слышал от окружающих горькие жалобы на обиды, оскорбления и тревожные толки о новых злых замыслах Милославских. Родственники матери, люди не родовитые, бранили при нем знатных за их спесь и лихоимство, осмеивали невежество и ханжество бояр, обвинявших Матвеева в чернокнижии. Партия Нарышкиных видела в Петре свою надежду, залог будущего торжества. Естественно, что эти люди позаботились внушить ему ненависть к боярам и невыгодное представление о том порядке вещей, который принес много страданий и несчастий его матери и близким. Двое старших больных братьев не способны к управлению, – Петр вырастет и займет царский престол. Тогда все переменится. Мать и родственники его станут во главе государства.

Дни царя Федора были сочтены. 25 апреля 1682 года голландский резидент Келлер писал генеральным штатам: “В случае кончины Его Величества, без сомнения тотчас же будет отправлен курьер к Матвееву с приглашением приехать в Москву для отвращения смут, беспорядков и несчастий, которые могли бы произойти при борьбе родственников царя между собою. Намедни прибыли сюда отец и сын Нарышкины, а другого Нарышкина, еще более обвиняемого, ожидают на днях; таким образом, все здешние обстоятельства принимают совершенно другой вид”.

Закона о престолонаследии не существовало. Этот пробел в государственном праве России, даже впоследствии, служил причиной многих беспорядков и смут в государстве. Партия Милославских не могла помешать после смерти Федора избранию десятилетнего Петра. На площади перед Красным крыльцом раздалось только несколько голосов за старшего царевича; но они были покрыты общим криком толпы. Во главе правления государством становилась мать малолетнего царя со своими родственниками. Ее право решила оспаривать энергичная царевна Софья, сестра покойного царя Федора. Даже по отзыву ее врага она была “больше мужского ума исполненная дева”. Воспитатель ее, ученый монах Полоцкий, посвятил ей в превыспренних выражениях свою книгу “Венец веры”. В теремах была грусть и тоска. Дочери царские не могли выйти за своих подданных, а иностранцы за царевен не сватались. После Алексея строгий надзор за царскими дочерьми прекратился: братья, больной Федор и слабоумный Иван, сами нуждались в уходе и присмотре. Другие царевны воспользовались свободой только для того, чтобы отдаться светским развлечениям; но царевна Софья, ей было уже за 25 лет, не отходила от царя Федора даже при боярах и принимала некоторое участие в государственных делах.

В прошлое царствование Милославские не щадили Наталью Кирилловну, ее родственников и сторонников; с переходом власти в руки Нарышкиных они не могли ожидать и для себя пощады. Им оставалось одно: бороться до тех пор, пока тень права и силы была на их стороне. Законность избрания Петра нельзя оспаривать, но еще возможно было провозгласить царем Иоанна и от его имени править государством.

Привлекая деньгами и богатыми обещаниями, Милославские набрали себе приверженцев, толпу незначительных, но молодых людей, готовых на все и неразборчивых в средствах; через стрелецких полковников и выборных возмущали они дворцовое войско против бояр и нового правительства. Сторону их держал В. В. Голицын, человек европейски образованный и выдающегося ума. Честолюбивый и энергичный старовер князь Хованский ненавидел Нарышкиных за их расположение к “новшествам” и готов был мутить стрельцов, чтобы самому играть первенствующую роль в государстве.

События дворцового переворота оставили глубокие следы в нервной организации десятилетнего Петра. В какой-нибудь год он пережил целую жизнь, и какую ужасную жизнь! Высокая радость при избрании в цари быстро сменилась страхом и печалью при виде бунтующих стрельцов и их кровавой расправы с родственниками и близкими людьми. Эти казни заложили в душу Петра зародыш жестокости и свирепости. Несмотря на нежный возраст, он сохранял все время значительное самообладание; страшное нервное потрясение не уничтожило в нем живой впечатлительности и необыкновенной подвижности. Но в короткое время он быстро вырос и возмужал.

Петр был велик ростом, развивался необыкновенно быстро; его умственные способности поражали иностранцев. Кроме военных игр Петра привлекали к себе ремесленные занятия. Когда исполнилось царю двенадцать лет, во дворец доставлены были разные ремесленные орудия: верстак и токарные станки, инструменты для переплета книг, печатания и каменных работ. Среди иностранцев нашлось много охотников, званых и незваных, предлагавших свои услуги показать, как следует обращаться с тем или другим инструментом, обучить тому или другому ремеслу. Сильный и смысленный юноша быстро свыкся с трудом и усвоил разные технические навыки, но военные забавы всеми признавались более приличными и подходящими для молодого царя. Детские игры скоро получили значение дела, прохождения курса военных наук.

На четырнадцатом году, совершенно случайно, возобновились учебные занятия. Однажды Петр узнал, что у князя Якова Долгорукова был

такой инструмент, которым можно определять расстояния между дальними предметами. Любопытный царь пожелал иметь такой инструмент. Долгорукий привез ему из Франции астролябию и готовальню с измерительными приборами. Отыскался сведущий человек, голландец Тиммерман, и стал обучать Петра арифметике, геометрии и фортификации.

“Немного времени спустя, – рассказывал впоследствии Петр, – случилось нам быть в Измайлове, на льяном дворе, и, гуляя по амбарам, где лежали остатки вещей деда Никиты Ивановича Романова, увидеть иностранное судно – бот английский. Франц Тиммерман мне сказал, что он ходит на парусах не только что по ветру, но и против ветра, которое слово меня в великое удивление привело и якобы невероятно”. Франц отыскал голландца Карштен-Бранта, который “призван при отце моем в компании морских людей для делания морских судов на Каспийское море”. Брант починил бот, сделал мачту и паруса и “на Яузе при мне лавировал, что мне паче удивительно, и зело любо стало”. Так зародилась у Петра страсть к воде и судостроению.

Своих учителей-иностранцев Петр долго считал за великих искусников и знатоков. Но то были все люди практические, ремесленники и военные, обладавшие крайне ограниченными теоретическими сведениями. Тиммерман, например, ошибался в простом умножении, как видно из задач, писанных его рукой в учебных тетрадях Петра. Но до этого Петру было мало дела. Тиммерман мог научить его обращаться с астролябией и вычислять, при каких условиях и на каком расстоянии бомба может упасть на данный предмет; составлял планы крепостей и руководил земляными работами. Карштен-Брант, наставник Петра в кораблестроении, – простой корабельный пушкарь, проживавший в Москве столярной работой. Он, конечно, не был достаточно посвящен в судостроение; но Петр держал его при себе как главного корабельного мастера, строил под его руководством яхты и фрегаты на Переяславском озере. Плотниками и матросами на судах были сам царь с “потешными” солдатами. Генерал Гордон тоже не отличался военными способностями и обращался с взрывчатыми веществами неумело. На маневрах то и дело происходили неудачи и несчастия. Однажды горшок, начиненный горючим веществом, опалил взрывом лицо Петра и поразил стоявших вблизи офицеров. Царь болел после того три месяца. На следующих маневрах пострадал сам генерал Гордон: выстрелом повредило ему ногу выше колена и порохом опалило лицо. На увеселительных фейерверках, которые так любил царь, нередко происходили подобные же истории: однажды пятифунтовая ракета, не разрядившись в воздухе, упала на голову какого-то дворянина, который тут

же испустил дух; взрывом состава изуродовало Гордонова зятя, обожгло Тиммермана и до смерти убило трех рабочих. Но Петр продолжал довольствоваться подобными мастерами и наставниками. Они все же могли научить его тому, что никогда бы он не узнал от Зотова, Стрешнева, Голицына, от бояр и других русских.

Самым близким к царю человеком в то время был князь Борис Голицын, не уступавший в уме и образовании своему знаменитому двоюродному брату князю Василию. Но видно, так издревле водилось, что на Руси умный человек был или плутом, или пьяницей. Василий Голицын держал сторону Софьи, но робко и осторожно, воздавая должное почтение молодому царю и его родне. Борис, говоривший по-латыни, прямодушный, распорядительный, непоколебимо преданный Петру, даже под письмами своими к царю подписывался: “Бориско, хотя быть пьян”. Близким другом Петра был сын воспитателя его матери, Андрей Матвеев, знавший по-латыни, любитель чтения, проявивший особенное расположение к иностранцам. Все приближенные Петра были или лично преданные ему люди, совершенно безгласные перед его волей, или сгорали неудовлетворенной жаждой знания и сознательно тянулись к Западу.

Походы, осады и сражения чередовались с веселыми пирушками, в которых немцам принадлежала первенствующая роль. Петру не нравились скучные русские пиры, с пресными яствами, квасом и сладеньким медом. Немцы зазывали молодого царя к себе, в слободу, и там угощали его на славу.

До сих пор Петр не проявлял никакого интереса к государственным делам. На молодого царя несомненно производили сильное впечатление приемы посольства и дворцовые торжества. Он облакался в порфиру, надевал на голову венец, в руки брал скипетр, но едва ли понимал политическое значение тех действий и событий, в которых принимал участие. Даже приготовление к Крымскому походу и проводы войска увлекали его только своей внешней стороной.

Чтобы остепенить сына, мать его женила. Она надеялась, что молодая и красивая жена отучит царя от сумасбродных забав и опасных военных игр. Но вскоре после женитьбы Петр опять увлекся своим любимым занятием – судостроением. Как только вскрылись реки, он поскакал на Переяславское озеро. “Изволила приказывать быть в Москве, – писал он к матери, – и я быть готов, только, ей-ей, дело есть”. Через несколько времени он делится с ней своею радостью: “А у нас молитвами твоими здорово все. А озеро все вскрылось сего 20 числа, и суда все, кроме большого корабля, в отделке; только за канатами станет. И о том милости

прошу, чтобы те канаты, по семи сот сажен, из Пушкарского приказа, не мешкая, присланы были. А за ними дело станет и житье наше продолжится”.

По древнерусскому обычаю, Петра признавали совершеннолетним, потому что он был женат. Время от времени молодой царь участвует в заседаниях Думы. 16 декабря 1687 года шведский дипломат сообщает: “теперь царя Петра стали ближе знать, так как Голицын обязан ныне докладывать е. ц. в. о всех важных делах, чего прежде не бывало”. Затем 10 февраля 1688 года: “Петр посещает Думу и, как говорят, недавно ночью секретно рассматривал все приказы”. И наконец 11 мая: “кажется, что любимцы и сторонники царя Петра отныне примут участие в управлении государством; несколько дней тому назад брат матери его Лев Нарышкин пожалован в бояре”. Партия молодого царя подымала голову.

Царевна Софья после вечного мира с Польшей присвоила себе титул самодержицы. “Для чего учала она писаться с великими государями обще? – говорила Наталья Кирилловна, – у нас люди есть и того дела не покинут”.

Между знатью было уже много сторонников Петра; они открыто выражали свое нерасположение к правительнице.

Царевна стала принимать необходимые меры самозащиты. В первых числах августа 1689 года она призвала наверх стрелецких начальников и держала к ним речь:

“Долго ли нам терпеть? Уж житья нашего не стало от Бориса Голицына да от Льва Нарышкина. Царя Петра они с ума споили, брата Иоанна ставят ни во что; комнату его дровами закидали, меня называют девкою, как будто я и не дочь царя Алексея Михайловича; князю Василию Васильевичу хотят голову отрубить, а он добра много сделал. Польский мир учинил; с Дону выдачи беглых не было, а его промыслом и с Дону отдают. Радела я о всячине, а они все из рук тащат. Можно ли на вас надеяться? Надобны ли мы вам? А буде не надобны, мы найдем себе с братом, где кельи искать!”

Стрельцы отвечали: “Воля ваша, государыня”. Царевна наградила их деньгами.

Настроение стрельцов переменилось. После казни князя Хованского и главных зачинщиков, они не доверяли правительнице и опасались гнева законного царя, за которого могли встать “потешное” войско и земское ополчение. Попытка Шакловитого вызвать новый стрелецкий бунт не увенчалась успехом. На предложение погубить приверженцев Петра одаренные деньгами стрельцы отвечали: “Буде до кого какое дело есть, пусть думный дьяк скажет царский указ, того возьмем; а без указа делать

не станем, хоть многожды бей в набат”.

Ночью на 8 августа приказано было 300 строевым стрельцам идти в Кремль. Между ними нашлось несколько человек, решившихся донести в Преображенское. Они отперли церковь, позвали священника и, целуя крест и Евангелие, присягнули друг другу в верности. Двое стрельцов поскакали в Преображенское. В полночь прискакали они в село и велели будить царя. Петра будят, торопят к бегству, кричат: “Стрельцы идут в Преображенское!” Петр, не помня себя, вскочил с постели и в одной рубашке кинулся в конюшню. В соседнюю рощу принесли ему одежду. Вскочив на коня, он поскакал в Троицкую лавру. Утром утомленного, измученного царя сняли монахи с лошади и уложили в горнице на кровать. Со слезами на глазах рассказывал Петр игумену об ужасной опасности, грозившей ему из Москвы. Следом за царем прибыло “потешное” войско. Толпами шли к монастырю его придворные и приверженцы. Стали вооружаться, привозили порох, мортиры, пушки. Готовились к решительной борьбе. Вскоре приехали в монастырь мать, жена и сестра Петровы. На другой день выступил из Москвы Сухарев стрелецкий полк “с поспешанием для оберегания его, великого государя, и все его государского дому здоровье~ И был тот полк весь при нем в пути от Москвы до монастыря и в монастыре неотступно”.

Но тревога оказалась ложной. Софья собирала в Кремль стрельцов для собственной защиты. “Вольно ему беситься”, – сказала она, узнав о бегстве Петра.

После молебна правительница говорила провожавшим ее стрельцам: “Если бы я не поопаслась, всех бы нас передавили “потешные” конюхи”.

Борьба затянулась до середины сентября. В монастырь вызывали приверженцев Софьи, допрашивали, пытали. Шакловитый долго запирался; после пытки он сознался, что был умысел поджечь Преображенское и убить царицу, но против жизни царя никогда не замыслили. Василий Голицын спасся только заступничеством своего двоюродного брата Бориса. С защитниками Софьи расправились пыткой, кнутом и смертной казнью при большом стечении народа.

Борьбу с правительницей Петр затеял вовсе не из желания самому править государством. Никаких политических целей у него не было и не могло быть. Натура порывистая и деятельная, Петр жил потребностями минуты, личными страстями и интересами своих окружающих. Он не теоретизировал и не составлял заранее планов. Его даже не тянуло в Москву, в Боярскую думу, в Кремлевский дворец. Он не чувствовал влечения к забавам и занятиям московских царей. Не любил соколиной

охоты, не проводил целые дни среди дураков и шутов, не понимал музыки и театра. Не нравились ему чинные казенные собрания, в которых все движения размерены и предусмотрены этикетом. Он задыхался на чопорных придворных обедах, в полдень или в десятом часу вечера. Московская знать возмущала его своей ленью, спесью, чванством, почтенными бородами и неудобным длинным одеянием.

Борьба с Софьей вызвана инстинктом самосохранения, опасностью, грозившей Петру из Москвы. Против правительницы были мать и родственники, их наговоры и жалобы, наконец, убеждение и интересы всех недовольных ее правлением и приверженцы молодого царя, достигшего совершеннолетия.

Из Троице-Сергиевой лавры Петр отправил к старшему брату письмо, в котором объяснял, что пора им самим править государством, что они уже совершеннолетние и могут обойтись без руководства третьего лица; со своей стороны, Петр обещал почитать старшего брата. Правительнице царь передал через боярина Троерукова приказание оставить правление и удалиться в монастырь. После некоторого сопротивления Софья, в конце сентября, поселилась в Новодевичьем монастыре. У ворот его, по приказанию Петра, поставлены караулы солдат “потешных” полков.

6 октября 1689 года молодой царь торжественно возвратился в Москву. Старший брат встретил его в Успенском соборе, передал ключи от Кремля и предоставил Петру всю власть, именуясь только на первом месте в государственных грамотах.

Глава II. Начало единодержавия

Верховная власть перешла в руки семнадцатилетнего Петра. Первые пять лет отмечены полной бездеятельностью его как во внешней политике, так и во внутренней жизни государства. Эти годы “протекли в военных экзерцициях, в маневрах на суше и на воде, в фейерверках и веселых пирах”, говорит биограф Петра, Устрялов. Петр не чувствовал влечения к политике, как ее понимали московские правители. Наставники и близкие друзья молодого царя не играли почти никакой роли в государстве; иностранцы же были едва терпимы в русском обществе. Ни те, ни другие не смогли подготовить юного самодержца к исполнению высоких обязанностей государя, не сумели внушить ему интереса к делам управления и политической деятельности.

Эти годы совпадали с тем периодом в жизни Петра, который немцы называют *Sturm und Drang* – буря и натиск. Юный царь не был разборчив в своем обществе. Он остался верен “потешным” полкам и друзьям из Немецкой слободы.

Петр еще не обобщал своего чувства на всех иностранцев: отношения его к ним завязывались сами собой, без всякой предвзятой мысли. В Троицкой лавре царь сошелся с Лефортом и Патриком Гордоном, через Гордона стали ему известны Мегден и Виниус, а Виниус познакомил с Кревстом и т. д. Особенно тесная дружба завязалась у Петра с красноречивым женецем Лефортом, который будто бы внушил ему любовь к европейской жизни и мысль о преобразовании России. Но едва ли личное влияние Лефорта было таким могущественным, как утверждают некоторые историки. Более вероятна мысль Брикнера: “Немецкой слободе было суждено служить звеном между Западной Европой и Петром во время его юношеского развития”. Любой из ее жителей мог рассказать Петру об европейских обычаях и порядках. Сношение с Немецкой слободой было продолжительным и постоянным. Его привлекали в слободу женщины, увеселения, приятели и наставники. Лефорт заслужил любовь и доверие царя своей правдивостью, бескорыстием, умением устраивать пиры на славу и остроумными беседами. Но он ничего не понимал в морском и военном делах, которые стояли у Петра на первом плане. Подобно Лефорту, другие приближенные юного царя не отличались деловитостью и познаниями. Как истые космополиты, они несколько не были заинтересованы преобразованием русского общества. Теперь им жилось

вольготно и весело, но держались они только московским царем. Когда от разгула и неумеренных трудов Петр тяжело заболел, вся его веселая компания пришла в неопиcуемый ужас. Лефорт, Борис Голицын, Апраксин, Плещеев и другие запаслись лошадьми, в намерении при первой опасности бежать из Москвы. Имена этих первых сотрудников царя остались бы неизвестны потомству, если бы сам Петр “не озарил их своею славою, как яркое светило бросает лучи на своих спутников”. Весьма естественно, что иностранцы порицали при царе русские обычаи и хвалили все европейское; но, наверное, никто из них не оказал на него решительного влияния и не развивал перед ним планов преобразования государства.

В январе 1694 года скончалась Наталья Кирилловна. Велика была горсть^[1] Петра. Трое суток плакал и тосковал он и только на четвертые провел вечер у друга своего Лефорта. Ранней весною отправили в Архангельск снасти, порох и оружие. Вскоре и сам Петр поплыл на досчаниках^[2] по Северной Двине. Для своего флота он выдумал особый флаг: красный, синий, белый, ставший русским национальным флагом. В конце мая, по пути в Соловки, Петр вытерпел страшную морскую бурю. Но опасность еще более пристрастила его к морскому плаванию. Возвратясь в Архангельск, с торжеством спустили в воду выстроенный русский корабль, а вскоре пришел и корабль, заказанный в Голландии. После пира Петр писал в Москву: “Бахус почитается и своими листьями заслоняет хотящим писати пространно”. В августе царь опять подвергся в море опасности кораблекрушения. По возвращении в Москву устроили сухопутную военную потеху, знаменитые кожуховские походы, с военными советами, переговорами, осадами и сражениями. Много было перебито народу. Маневры закончились большим пиром, устроенным за счет знатнейших купцов. Петр, желая изучить морское дело, стал проходить всю службу морскую с низших чинов и обучаться управлению кораблями. Учителями его были иностранные шкиперы. Новые знакомства с голландцами и англичанами значительно расширили его умственный кругозор; но Белое море, холодное и пустынное, слишком отдалено было от внутренней России и представляло слишком окольный путь для сношения с морскими державами. Вскоре затеяли серьезное дело. Петр пишет Апраксину: “Шутили под Кожуховым, а теперь под Азов играть едем”. Тем не менее сборы были большие. Царь выступил с 31 тысячею войска водным путем – по Москве-реке, Оке и Волге до Царицына, а затем переволоком, по Дону до Азова, – приказано было вести на Крым 120-тысячную рать сухопутьем до Черкаска. Войско много пострадало от недостатка провианта и

лошадей: солдатам приходилось тащить на себе орудия и другие тяжести. Предполагалось дойти в три недели, а шли целых два месяца. В Азове находился 8-тысячный турецкий гарнизон. Но город был хорошо укреплен и обведен валом и рвом. Про свое же войско Петр писал из-под Азова: “На молитвах святых апостол, яко на камени утвердися”. Петр находился при войске в звании бомбардира^[3]. Начальство поручено было Головину, Лефорту и Гордону, которые все еще остались учителями царя в военном деле. После двух неудачных штурмов решено было оставить осаду. При отступлении немало войска потонуло в Дону, погибло от татарской конницы, от холода и голода. Цесарский посланник Плейер, проехавший по степи вслед за отступавшей русской армией, рассказывает, что нельзя было без содрогания и ужаса видеть множество трупов, разбросанных на протяжении 800 верст и пожираемых волками. Остатки русских полков вступили в Москву с торжеством, как после победы: “Перед царским синклитом вели турчанина, руки назад; у руки по цепи большой, вели два человека”. Таков был первый победный триумф молодого царя, исполнившего добросовестно обязанности бомбардира. Петр записал о себе: “Начал служить с первого Азовского похода в звании бомбардира”. Иностранцы и русские наставники показали на деле свое искусство. Страшная неудача поразила Петра и заставила серьезнее отнестись к государственным делам. Помощи ожидать неоткуда, а отступить было нельзя. От беды Петр поднялся во весь свой гигантский рост и с громадной энергией принялся за дело.

Движение России на юг должно было дойти до естественных границ Азовского и Черного морей. Крымские татары часто опустошали русскую землю, разрушали окраинные города и уводили в плен десятки тысяч жителей. Еще в 1667 году Крижанич писал в своем сочинении: “На всех военных судах турок не видно почти никаких других гребцов, кроме людей русского происхождения, а в городах и местечках во всей Греции, Палестине, Сирии, Египте и Анатолии или по всему турецкому царству видно такое множество пленных, что они обыкновенно спрашивают у наших: “Остались ли еще на Руси какие-нибудь люди?”

Неудачи первого Азовского похода указали на необходимость быстрых и решительных перемен в военных и административных делах России. Петр был на то способен. Во что бы то ни стало надо овладеть морем. В какие-нибудь полгода им сделано больше, чем в пять лет начала царствования. Для действия против турок с моря и для перевоза войск устроился гребной флот на Дону. В Воронеж для постройки судов прислано по наряду 26 тысяч человек из украинских городов. Похоронив царя

Иоанна, Петр сам едет в Воронеж, берется за топор и торопит работой. Вызваны запорожцы и донцы, скликаются охочие люди, зовут и крепостных для умножения сухопутного войска. К 3 мая все приготовлено. Выступают в поход. По Дону двинулся караван судов с сорокатысячным войском. С ним плывет сам царь в звании капитана галеры “Principium”, им самим построенной. Для подкрепления войска назначены донцы и запорожцы. На этот раз к осаде Азова приступили с чрезвычайной осторожностью. Стали возводить земляной вал выше городских стен. Над ним днем и ночью работали 12 тысяч человек. Флот состоял из двух кораблей, 23 галер, четырех брандеров и многих мелких судов. С моря русский флот отогнал турок, приплывших на помощь осажденным. Наконец приехали цесарские инженеры, которых давно торопил Петр, извещая Винууса, что за промедление ответит спина русского посла. Инженеры подивились земляным работам русских, но не продолжали их, а немедленно приступили к подкопам и открыли огонь по крепости. После нескольких штурмов турки вступили в переговоры и сдали город, выговорив себе свободный выход с оружием в руках и со своими семействами. В Москве весть Петра о победе над страшными турками вызвала всеобщее ликование. Патриарх плакал от радости и велел ударить в большие колокола на молитву. Думный дьяк прочел Петрову грамоту; на молебен собралось бесчисленное множество народа. Азов остался за Россией. Но надо было готовиться к новой упорной борьбе с татарами и турками, чтобы удержать его за собою и овладеть побережьем Черного моря.

Петр возвратился в Москву. По дороге осмотрел тульские железные заводы. 4 ноября в селе Преображенском собралась Дума, в которой в первый раз принимали участие иностранцы. По воле царя совет постановил обязать светских и духовных лиц составлять “кумпанства” для постройки судов. Начались работы в Воронеже и соседних пристанях. Лес рубили жители украинских городов. Плотниками, столярами и кузнецами были русские. Для производства постройки судов вызваны мастера из-за границы. Венецианский сенат по просьбе царя прислал 30 судостроителей, да выписано 50 мастеров голландцев, шведов и датчан. Понадобилось еще. Общий надзор поручен окольниковому Протасьеву, названному “адмиралтейцем”. В то же время прорывали канал между Волгой и Доном и строили гавань на Азовском море.

Заботы о морской силе отвечали личным наклонностям царя и интересам государства, у Петра еще не зарождалось мысли о преобразовании; но он обладал уже гораздо большим: глубоким сознанием,

что успех каждого предприятия зависит прежде всего от труда. “В Марсовом труде непрестанно труждаемся”, – пишет Петр из-под Азова. И с верфей Воронежа: “В поте лица едим хлеб свой”. “И то не для себя, а для всех православных христиан”, – поясняет в ответ Стрешнев. Молодой царь приходит к убеждению, что необходимо строение кораблей “вечно утвердить в России”. Вот первая мысль Петра о преобразовании. Но как ее осуществить? Царь “умыслил искусство дела того ввести в народ свой, и того ради многих число людей благородных послал в Голландию”. Но у себя дома строят корабли, – и ему совестно, что он заставляет других делать то, чего сам хорошо не знает и не умеет. В рукописи Петра именно так говорится: “устыдился монарх остаться от подданных своих в оном искусстве”. Перед ним конкретная цель, и Петр – такой человек, чего сильно захочет, того неуклонно добивается. Он решился на предприятие, отвечающее его личным наклонностям и необходимое для создания морской силы России.

Русский царь-богатырь рвался к свету, к культурной жизни. Но ни Белое, ни Черное моря не открывали пути ему в страны просвещенные и богатые разнообразными интересами. На севере – неблагоприятные естественные условия, отдаленность от населенных местностей и суровость климата; на юге – татарская орда и могущественная в то время мусульманская Турция. На западе залегли Польша, с которой Москва более столетия вела войну за Малороссию, и не менее враждебная Швеция. Здесь или там необходимо прорубить брешь, окно в Европу, – было над чем крепко призадуматься. Петр решил сам ехать в заманчивые западные страны, оставить на время царство, “чтобы научиться лучше царствовать”.

Перед отъездом посольства за границу открыт был заговор. Нашлось несколько смельчаков, недовольных царем, решившихся убить его во время поездки или на пожаре. Намерение царя отправиться за границу удивило всех: одни были смущены, другие негодовали. Ни один московский царь не выезжал за пределы своего государства. Вместо себя Петр учредил правительство из бояр под председательством князя-кесаря Ромодановского.

Свита посольства состояла из дворян, волонтеров, множества прислуги, мастеров и нескольких иностранцев, живших в России. Петр предоставил все почести послам – Лефорту и Головину. Чтобы разные церемонии не мешали удовлетворять его любознательности, запрещено было расслаблять, что при посольстве едет сам царь московский. В Риге посольство встречено было с официальной почестью. Петр со своими спутниками стал осматривать укрепления города, но губернатор Дальберг

потребовал от Лефорта, чтобы он запретил своей свите всякий осмотр. Царь должен был подчиниться и, уезжая, назвал Ригу проклятым местом.

В Курляндии более всего занимало Петра море. Оставив посольство следовать сухим путем до Кенигсберга, Петр с несколькими волонтерами сел на купеческий корабль и поплыл к берегам Германии. В Кенигсберге, по приказанию курфюрста, приготовлено было для царя роскошное помещение в двух домах. Петр посетил Фридриха III во дворце, но просил соблюдать его инкогнито и не отдавать визита. Все свое время царь посвятил изучению артиллерийского дела, приводя в восторг своими способностями и трудолюбием прусских инженеров.

Многие придают поездке Петра значение подвига, преднамеренного самоотречения. Но существует и совершенно противоположное мнение. Не в натуре Петра было глубокое смирение и сдержанность. Он не был теоретиком, не подчинял свои действия отвлеченным принципам. Напротив, ни у себя дома, ни за границей он никогда не отказывался от личных стремлений, даже от ничтожных желаний, – и требовал для них полного простора и удовлетворения. Он поехал за границу с практической, конкретной целью: Петр исполнял свою охоту! Мало ли какие бывают желания и страсти! У Петра была страсть к кораблестроению. Само incognito его нимало не стесняло. Так, в Саардаме царь тешился тем, что дразнил уличных детей; а когда мальчики бросают в него грязью и камнями, он укрывается в гостинице и с гневом требует к себе бургомистра. В тот же день обнародовано было объявление, чтобы никто не смел, под страхом наказания, оскорблять знатных иностранцев; на мосту, ведущем к дому, где жил русский царь, поставлена стража. В другой раз Петр дает пощечину саардамцу, зазевавшемуся на него, и т.д. Даже среди пира он нередко приводил в трепет своих приятелей, являясь перед ними не веселым собеседником, а грозным монархом, имеющим над всеми власть жизни и смерти. Вообще, простоте жизни и бесцеремонности обращения Петра напрасно придают вид какой-то намеренности и рассчитанной подготовленности. Демократические привычки привиты ему случайностями воспитания, огненными потехами, знакомством с немцами, водяными прогулками и страстью к военному делу.

Но, несомненно, “конкретная цель” Петра была несколько шире, чем “обучиться судостроению”. В посольском приказе объявлено о путешествии царя за границу всего через месяц после учреждения кумпанств для постройки пятидесяти двух кораблей и менее чем через полгода после взятия Азова. Петр желал утвердить свою власть на черноморских берегах. Ради этого стоило ехать за границу поучиться. Но, с

другой стороны, Петр никогда не самоотрекался. В матросской куртке с топором в руках он оставался самодержцем, хотя и не любил, когда его называли царским величеством. Он никогда не отказывался от своей власти. В далекой чужбине царь с каждой почтой шлет князю-кесарю и боярам указы и приказания, а те, в свою очередь, доносят ему о всех важных государственных делах. Нет ничего удивительного и в том, что Петр полгода плотничал в Голландии. Он и у себя дома был бомбардиром, корабельным мастером и капитаном. В XVII столетии физическому труду придавали большее значение, чем в наш век пара и электричества. Петр с детства проявлял склонность к механическим занятиям, что, с одной стороны, объясняется его сангвиническим темпераментом и могучей организацией, а с другой – демократическим воспитанием или, вернее, самовоспитанием.

Петр недолго пробыл в Германии: его тянуло к морю. Оставив позади посольство, царь с несколькими волонтерами спустился вниз по Рейну и каналам. Из Амстердама он приехал в Саардам. Путешественники были одеты в голландское платье, но толпа узнавала в них русских богатых людей, нередко собиралась около иностранцев и вступала с ними в разговоры. “Мы не знатные господа, – говорил Петр, – а простые плотники”. Но голландцы, в особенности голландки, не могли верить, чтобы такой красивый, высокий и статный москвит, с энергичным взглядом и краткою повелительною речью, был только простым плотником, а не знатным богатым господином. Петр поселился в доме знакомого кузнеца Китца, приказав не разглашать, что у него живет царь московский, и относиться к нему как к своему брату рабочему. Домик Китца, сколоченный из необделанных бревен, находился в отдаленной части города. Помещение царя состояло из двух маленьких комнат, с изразцовой печью для приготовления пищи и глухой каморкой для кровати. Впоследствии сооружен был над этим домиком каменный навес, для сохранения его от разрушения.

В Саардаме Петр работал на верфях как простой плотник, с топором и стругом; ходил он голландцем, в красной фризовой куртке, белых парусиновых штанах и лакированной шляпе. Царь осмотрел также многие заводы и мельницы в окрестностях города. В Саардаме он прожил неделю. 7 августа Петр возвратился в Амстердам. Вскоре прибыло туда посольство, которому был оказан торжественный и пышный прием; царь ехал в самом последнем экипаже. На другой день Петр, в сопровождении бургомистров, посетил ратушу, а вечером – театр; затем осматривал адмиралтейство, корабельные верфи и магазины. Город устроил фейерверк и маневры на

воде, царь любовался с военного корабля. При помощи амстердамского бургомистра Витзена Петр определился простым рабочим на Ост-Индскую верфь. В свободное время он занимался рисованием, математикой и астрономией; царь-студент посещал разные музеи, лаборатории и заводы. Кроме Амстердама он был в городах: Утрехте, Дельфте, Гааге. Высокая культура Нидерландов производила на Петра чарующее впечатление. Он духовно перерождается в обществе голландских ремесленников, купцов и ученых. Его интересует не одно кораблестроение; царя занимает все – искусство, торговля, промышленность.

Сносясь с фабрикантами, мореплавателями и учеными, Петр приобретал образование всестороннее и энциклопедическое. Довольно часто посещает царь анатомический театр и госпиталь. В Лейдене беседует с анатомом Бюргавом; в Дельфте натуралист Левенгук показывает ему микроскоп и учит делать снимки; Петр внимательно следит за механическими опытами в мастерской фон дер Гейдена, изобретателя пожарных труб. Он удачно пользуется своими личными знакомствами, чтобы завязать непосредственные сношения Москвы с промышленным и научным миром Голландии. С многими сохранил переписку; через других, как, например, через инженера Кегорна, царь привлекает на свою службу иностранцев или определяет русских в обучение к голландским техникам. По его настоянию один из братьев Тессингов устраивает в Амстердаме русскую типографию. Архитектор Шинфет знакомит царя с зодчеством. Впоследствии голландская архитектура служит образцом для построек в России, главным образом в Петербурге.

Около полугода работал царь на верфях в Голландии и научился только тому, “что надобно доброму плотнику знать”, а не “препорции корабельной”. Оказалось, что много времени потрачено без пользы. “Тогда зело стало противно, – пишет Петр, – что такой дальний путь для сего восприял, а желаемого конца не достиг”. Царь был так недоволен голландцами, что в декабре 1697 года послал указ в Москву: подчинить голландцев надсмотру мастеров датских и венецианских. Узнав, что настоящую науку можно изучить только в Англии, Петр уезжает из Голландии; впоследствии он говорил: “Навсегда бы остался я только плотником, если бы не научился у англичан”. В Утрехте царь свиделся с английским королем. Вильгельм приказал предоставить в распоряжение царя два военных судна и две яхты. 6 января 1698 года Петр отплыл в Англию. Король и двор приняли царя радушно, но он пожелал оставить Лондон и поселился в трех верстах от него в городе Дептфорде, рядом с доками. Петр работал на верфях и собирал сведения о судостроении через

комиссара и инспектора флота. Царь часто посещал арсенал, госпитали, монетный двор, железные заводы, обсерваторию. Не было такого искусства, говорили англичане, с которым бы не познакомился практически русский царь.

До сих пор довольно крепко держится убеждение, что Петр интересовался за границей только кораблями, заводами и военным искусством, – до всего же остального ему не было никакого дела. Утверждают, что, “с жадностью набрасываясь на технические и прикладные знания, стремясь постигнуть тайну всякого ремесла, Петр не обращал совсем внимания на иные стороны западноевропейской жизни. Во всем, что не касалось излюбленной им промышленности и военной техники, Петр остался истым москвичом старого закала, холодным и равнодушным ко всему чужому. Постоянно сталкиваясь с протестантами, имея дело с иным религиозным мировоззрением, он не проявлял никакого внутреннего интереса к нему и без всякой внутренней борьбы остается таким же набожным православным, каким был и ранее. Так же мало, как вопросы религиозного мышления, интересовали его на Западе и вопросы социального и политического строя”. Нельзя согласиться с этим мнением: оно противоречит фактам и показаниям современников. В Голландии Петр толковал со многими о различиях вероисповеданий. Стали ходить слухи, что царь намеревается соединить православную церковь с реформатской. Пущена была в народе басня, что царь Петр причащался в Кенигсберге святых тайн вместе с курфюрстом по лютеранскому обряду. Известно, наконец, что им приглашались в Москву протестантские ученые для учреждения университетов и академий. В Лондоне Петр посещал музеи ученого общества “Royal society”, театр и маскарады, обедал у многих английских лордов, бывал у епископов, навестил архиепископа Кентерберийского, присутствовал в английской церкви и даже в общине квакеров. Католическое духовенство, в свою очередь, много ожидало от прибытия царя в Вену. Ходил слух, что боярин Шереметьев тайно принял уже католицизм. Правда, Петр не оправдал надежд и упований ни католиков, ни протестантов, тем не менее он интересовался христианскими исповеданиями, беседовал о догматах, посещал за границей иноверческие церкви и расспрашивал о разных обрядах богослужения.

Вообще, нельзя обвинять Петра в узости интересов. Но несомненно, техника занимала его больше, чем, например, политические вопросы, хотя интересовали и последние. Любопытный царь заглянул даже в английский парламент. Коронованные лица не присутствовали при прениях; Петру предоставили слуховое окно над залой заседаний.

Положение крайне неудобное. Не понимая английского языка, царь заметил, что в парламенте очень много говорят, – отсюда проницательные историки выводят, что Петр не был доволен парламентом и представительной формой правления.

Король Вильгельм подарил царю великолепную яхту. Петр оставил королю свой портрет, писанный Кнелером, учеником Рембрандта. Через Голландию отправился царь в Вену. Разные обрядности задержали прием русского посольства. Петр попытался отклонить Австрию от заключения мира с Турцией, но не имел успеха в своем намерении. Венцы устраивали в честь посольства празднества. Общественные увеселения служили хорошей школой для молодого царя, приучая его к приемам общежития и обычаям европейской жизни. Не стесняя себя придворным этикетом, Петр осмотрел все достопримечательности Вены. Его уже влекла к себе другая морская держава – Венеция, как известие о новом бунте стрельцов заставило царя возвратиться в Россию.

Петр пробыл за границей почти полтора года, большую часть этого времени, девять месяцев, проработав на верфях Голландии и Англии. “Аз бо есмь в чину учимых, и учащих мя требую” – такова надпись на сургучной печати царских писем, приходящих из-за границы. На печати этой был изображен молодой плотник, окруженный корабельными инструментами и военными орудиями. Но результаты путешествия далеко превзошли намерения и ожидания самого Петра. Отправляясь за границу, он желал прежде всего обучиться морской и военной технике. Но во время путешествия он обогатился самыми разнообразными впечатлениями от западноевропейской культуры. Петр возвратился в отечество с бесповоротной решимостью вести Россию по пути сближения с Западной Европой.

Весть из Москвы, что бунт стрельцов усмирен, несколько успокоила царя; три дня пировал он с королем Августом и заключил с ним тайный договор против Швеции; по дороге царь принимал угощение польских панов и только 25 августа прибыл в Москву.

Петр не любил царицу и еще из-за границы поручил Льву Нарышкину и ее духовнику уговорить ее добровольно удалиться в монастырь и постричься. По возвращении в Москву он не посетил Евдокии, а прямо поехал к Анне Монс. На другой же день, принимая в Преображенском бояр, Петр собственноручно резал их пушистые бороды и отдал приказ одеться в европейские кафтаны. Ревнителю старины возмутились, что царь велит им учинить над собой “развратное, скаредное дело”.

Народ с ужасом видел, что царь не щадит добрых нравов и уставов

благочестия. Еще до заграничного путешествия выискался некий монах Авраамий, передавший Петру говор о нем в народе; он увещевал царя перестать “творити всем печальное и плачевное” и “обратиться на лучшее”. Монах с оговоренными им на пытках наказан и сослан. Но ропот не прекращался. Многие отцы были недовольны отправкой их детей за границу. Народ, отягощенный работой и поборами, проклинал царские затеи и кораблестроения. Более всех кричали против Петра староверы. Они называли его антихристом. С почвы церковной борьба переходит на почву жизни государственной. О Петре говорили, что он – немец. Русский царь погиб в Стекольном городе (Стокгольме); вместо же него правит теперь подмененный царь, оттого он и дружит с немцами, враг русским и не любит святую старину. Стрельцы шли в Москву “перебить всех немцев” и бояр за то, что они “спознались с немцами”. На стороне Петра стояла только небольшая кучка людей, ему лично преданных и просвещенных; против же него были вековые предрассудки и пассивный протест массы, переходящий порою в открытый бунт. Не удивительно, что царь не был доволен слабым розыском бояр и их снисходительной расправой с бунтарями. “Я их допрошу поостроже”, – сказал Петр и приступил к новому розыску стрельцов. Допрос и пытки производились под присмотром свирепого князя Ромодановского. К Петру приехал патриарх с образом Богородицы. “Зачем пришел сюда с иконою? – с гневом воскликнул царь. – Моя обязанность и долг перед Богом охранять народ и казнить злодеев, которые посягают на его благосостояние”.

Возможно ли оправдать его? Мы спросим, надо ли обвинять Петра? Своей мрачной стороной он принадлежит прошедшему. Петр сознательно подражал Иоанну Грозному, авторитет которого чтит высоко. То же было тогда и на Западе, в той культурной Европе, которая служила для Петра образцом высшей общественности и государственности. Во Франции его современник, Людовик XIV, заявивший, что он – государство, отличился не меньшим варварством. Набожный король безбожно преследовал мирных и трудолюбивых протестантов. Драгонады, шайки солдат жестоко расправлялись с беззащитными жителями: грабили, насиловали женщин, били еретиков, резали им тело ножами, рвали раскаленными щипцами, лили в рот кипяток и т. д. “Одного из протестантов, – пишет Бокль, – по имени Рио, они крепко связали, сжали пальцы на руках, воткнули булавки под ногти, жгли порох в ушах, проткнули во многих местах ляжки и налили уксусу и насыпали соли в раны”. В то же самое время такое же точно преследование пресвитериан происходило, по приказанию Иакова II, в Шотландии. Народ промышленный и зажиточный должен был бежать из

своей родины в разные страны, где возможно было укрыться от грабежа и утонченного мучительства фанатических правительств. Петр не был так изобретателен в пытках; он казнил не мирных и трудолюбивых граждан, а мятежных стрельцов, мешавших ему насаждать культуру в своем государстве; он защищался от надвигавшейся на него тучи приверженцев традиции и рутины. Несомненно, на Западе Петр встал бы во главе просвещенного гуманизма, если бы не попал в число преследуемых протестантов.

Расправившись со стрельцами, царь уехал из Москвы в Воронеж осматривать суда, построенные в его отсутствие кумпанствами. Между Турцией и Австрией шли переговоры. Приходилось на время оставить мысль о завоевании берегов Черного моря. Послу Возницыну приказано было заключить перемирие с турками.

Весной 1699 года Петр выступил с флотом по Дону к Азову. До половины августа деятельно снаряжали суда. Сам царь участвовал в корабельных работах и в то же время занимался государственными делами и своими многочисленными преобразованиями. Посол отплыл в Константинополь на сорокапушечном русском корабле. Петр с сильной эскадрой проводил его через Керченский пролив. Турки не хотели пускать военного корабля и предлагали русскому посольству идти сухим путем. Но посольство стояло на своем; окруженные конвоем турецких кораблей русские благополучно прибыли в Константинополь. 28 августа 1699 года военный корабль Петра бросил якорь прямо против султанского сераля. Посол домогался мира на таких условиях, чтоб за Россией остались Азов и завоеванные ею города и за русскими признано право плавать по Черному морю. Турецкие уполномоченные отвечали, что они берегут Черное море, как чистую, непорочную девицу, и только тогда разрешат по нем плавание чужим кораблям, когда вся Оттоманская держава упадет вверх ногами. Иностранные послы не поддержали требований русских. После долгих переговоров и споров условились, наконец, заключить перемирие на следующих условиях: царь оставлял за собой Азов и города, построенные на Азовском море; должен был скрыть все города по Днепру, но не принял на себя обязательства давать поминки (дань) крымскому хану. Тогда же Петр сделал первый шаг заступничества за христиан, живущих в турецких владениях. Турки отклонили вмешательство России в их внутренние дела, но русским богомольцам предоставлен был свободный пропуск к святым местам.

Глава III. Северная война

Для установления прочных торгово-промышленных сношений с Западной Европой необходимы были политические завоевания, главным образом приобретение морских пристаней. От малонаселенной земледельческой страны требовались новые жертвы, материальные и нравственные. Прежде чем преобразоваться в культурное государство, Россия стала военной державой. Борьба со Швецией из-за Балтийского моря продолжалась уже несколько столетий. Еще царь Иоанн IV пытался овладеть Эстляндией и Лифляндией. При Федоре Борис желал занять Нарву; царь Алексей взял Дерпт и осаждал Ригу, но после неудачной войны в Ливонии русские уступили Швеции все взятые города и возвратились к условиям Столбовского мира.

Во время путешествия за границу Петр убедился, что на Западе много ожидают от Московского государства, его географического положения и огромного одноплеменного населения.

Курфюрст Бранденбургский, при свидании с царем, объяснил ему, какие выгоды можно извлечь из войны со Швецией. Дания постоянно ссорилась со Швецией из-за герцогства Гольштейн-Готторпского. Король Август замышляет присоединить к своим саксонским владениям отвоеванную от Польши Лифляндию. Ливонское дворянство негодовало на шведского короля за отобранные имения, и один из опальных дворян, Паткуль, интриговал при дворе польского короля.

Петр воспользовался этой политической комбинацией и заключил договор с польским и датским королями, обещая двинуть свои войска в Ингерманландию и Карелию. При свидании в Раве царь и король “друг другу обязались крепкими словами и дружбой, без письменного обязательства, и разъехались”. Уполномоченный Августа писал своему королю из Москвы в 1699 году: “Петр выразил желание, чтобы ваше королевское величество помогли ему занять те шведские области, которые, по Божию милости и праву, в сущности принадлежат России и были потеряны вследствие смуты в начале этого века”. Но царь не прерывал дружественных переговоров со Швецией и через своего посла князя Хилкова обещал даже отнять у Августа Ригу, если он завоюет ее от шведов. Но как только пришла в Москву весть о заключении мира с Турцией, Петр объявляет 19 августа 1700 года войну Швеции под предлогом возмездия за личные обиды, наносимые шведами русским подданным.

Петр желал овладеть сильным пунктом на Балтийском море и двинул 35-тысячное войско на осаду Нарвы. Значительная часть этого войска состояла из новобранцев. В 1699 году был объявлен первый рекрутский набор: с 25 – 50 дворов брали по одному человеку в солдаты. В селе Преображенском Петр самолично делал смотр рекрутам и распределял по полкам; из них наскоро сформировалась армия, вооруженная по образцу немецкой пехоты. Офицеры – большей частью иностранцы, присланные по наряду Иноземного приказа. Государь был недоволен ими: многие оказались “гуляки великие”, другие “не умели за мушкеты взяться”. Приказано набирать офицеров из своих и обучать их военному делу. В конце сентября, под руководством инженера Галларта, русские укрепили свой лагерь и приступили к осаде и бомбардировке Нарвы. Вскоре пришла весть, что на помощь осажденным идет шведский король Карл XII, уже заявивший себя победой над Данией. Шведское войско считалось тогда первым во всей Европе по своему искусству, опытности и дисциплине. Петр поручил главную команду над своей армией герцогу фон Круа, рекомендованному королем Августом, и поспешил в Новгород, чтобы побудить остальные полки идти к Нарве. Король одержал полную победу над “армией мужиков”. Вся русская артиллерия досталась в руки неприятеля; из бежавших по пути к Новгороду до 6 тысяч человек погибло от шведских пуль, голода и холода. Петр ожидал неудачи, но не такого поражения. “Спасибо брату Карлу, – сказал он, – будет время, и мы ему отплатим за уроки”. Отдано приказание немедленно укреплять города, готовить артиллерию и собирать новые полки.

В Европе приветствовали победу шведов восторгом и насмешками над Петром. Лейбниц в честь короля сочинил стихотворение и выразил надежду, что Карл XII овладеет Московским государством до Амура. Неудачи вызвали в Петре обратную реакцию еще большей силы: с изумительной быстротой он приготовился к встрече, достойной неприятеля. Но Карл не воспользовался победой и не вторгся в пределы русского государства. Он не понимал Петра, презирал “армию мужиков” и полагал, что одним удачным сражением возможно обеспечить за собой политическое преобладание. Король оставил в Ингерманландии и Лифляндии только 15 тысяч войска и с отборной армией двинулся против главного своего врага, короля Августа, к Польше.

Нарвское поражение послужило Петру отправным пунктом для составления плана войны, которого он неуклонно придерживается, пока не достигает полной победы над шведами. Царь требовал от народа материальных средств и солдат, надеясь впоследствии промышленностью и

внешней торговлей поднять благосостояние страны. Для комплектования армии Петр установил рекрутские наборы, общие и частные, с посадских и духовенства. В офицеры определялись иностранцы, которых приманивали на службу большим жалованьем и особыми отличиями. Русских дворян надо было еще приохотить к службе, а затем уже обучать военному делу. Но неуклонная воля Петра преодолела все трудности: с 1706 года иностранных офицеров принимают уже с большим разбором и без всяких привилегий. За недостатком материала приказано лить пушки из старых церковных колоколов, и через какой-нибудь год приготовлено было около 300 орудий. Опасаясь Карла XII, Голландия прекратила высылку в Россию оружия и сукна для обмундирования солдат. Петр спешит основать в своей стране фабрики и заводы: в 1701 году устроен в Москве новый оружейный завод, выделяющий в год до 8 тысяч ружей; улучшается овцеводство и открываются суконные фабрики. На хозяйственную и медицинскую часть царь обращал особенное внимание и не жалел никаких издержек на питание солдат, госпитали и лекарей. Для общего руководства издан “Военный устав”; в него вошли правила из иностранных уставов.

В Петре пробуждался великий полководец, который хотел, мог и умел все сделать сам. Целый месяц царь продержал себя на солдатском пайке, исполняя все обязанности рядового, и ознакомился таким образом с условиями и со всеми трудностями службы низших чинов: личный опыт дал ему достоверные данные для определения силы и выносливости своей армии. Обучение вновь сформированных полков производилось всегда под его непосредственным присмотром. Петр вел войну, как практический мудрец, разрешая только те задачи, какие ставила ему сама жизнь; он ясно сознавал свои цели, силы и средства, какими располагал, и никогда не добивался невозможного. В 1701 году царь выставил против шведов 40-тысячную армию, на этот раз под начальством русских генералов Шереметева и Апраксина. Петр предписал им занимать неприятеля малой войной, приучая русских к военным действиям, делать набеги на Лифляндию и опустошать шведские провинции. Нарвское поражение народ считал наказанием Божиим за нововведения царя. Чтобы поднять дух своей армии и приучить русских к победе над шведами, Петр приказал в первое время нападать на неприятеля только с превосходящими силами, двойными и тройными.

Первая победа русских над шведами – 29 декабря 1701 года – вызвала большую радость в Москве. В другой раз шведский генерал Шлиппенбах был разбит Шереметевым при Гуммельсгофе. Русские отряды стали опустошать Ливонию. Опустошительная война была введена в систему и

практиковалась русскими несколько лет.

Петр одобряет действия Шереметева и приказывает дотла разорить шведскую провинцию. При посредстве Паткуля король Август заключил с царем договор, по которому русские обязались дать королю 12 тысяч войска и 300 тысяч рублей. Но этот договор царь заключил только для виду, потому что в интересах русских было не допускать поляков прийти в силу, несмотря на успехи шведского короля в Польше.

В это время русские завладели Ингрией, бывшей некогда новгородской землей. Апраксин прошел вдоль по Неве до Тосны, “все разорил и завоевал”. Сам Петр взял после сильного штурма крепость Нотебург и, переименовав ее в крепость Шлиссельбург, назначил губернатором города Меншикова. После того Петр устроил для себя триумфальный въезд в Москву. Из Москвы он едет в Воронеж, осматривает по дороге работы канала у верховья Дона и делает распоряжение о присылке железа и рабочих. Весной неутомимый царь опять на Неве, строго взыскивает с Вiniusа за неаккуратную доставку в Шлиссельбург артиллерийских снарядов и лекарств и продолжает завоевания. 25 апреля вместе с Шереметевым Петр берет, после сильной пушечной пальбы, шведскую крепость Ниеншанц, при устье Охты. На помощь осажденным плыли с моря по Неве шведы. Царь решается напасть на шведские корабли. Выслав Меншикова с частью гвардии к деревне Калинкиной, он на остальных ладьях плывет, под прикрытием леса, вдоль Васильевского острова и, отрезав два корабля от шведской эскадры, стоящей в море, штурмом берет их. Это была первая морская победа русских. Петр и Меншиков пожалованы от адмирала Головина орденами Андрея Первозванного. Петр обладал более глубоким политическим умом, нежели Карл XII, и не терял даром времени в завоеванной стране. 16 мая, в день Святой Троицы, на острове Янни-Саари, переименованном в Люст-Эйланд (Веселый Остров), заложен новый город С.-Петербург. Первыми его постройками были деревянная церковь, домик царя, сохраненный до сих пор, и дома царских сановников. В ноябре 1703 года пришел в этот город первый голландский корабль. Петр очень обрадовался нежданному гостю, лично встретил его, проводил в гавань и щедро одарил экипаж. В ту же осень он вымерил фарватер между островом Котлином и находившеюся против него мелью и заложил крепость Кроншлот. Зимой в Воронеже делает распоряжения о постройке шести кораблей. Отсюда отправляется в Олонец, где тоже была основана корабельная верфь. На железных заводах приказывает в своем присутствии лить пушки. Весной он деятельно занялся постройкой Петербурга.

Жизнь Петра крайне подвижна и разнообразна. Занятый непрерывной войной со Швецией, он то и дело появляется в разных концах своего государства; поглощенный внутренними реформами, он в одно и то же время учреждает школы, организует промышленность и администрацию, изыскивает всевозможные средства для продолжения войны, устраивает новые политические комбинации и во всем достигает блистательного и прочного успеха. В конце 1706 года численность русского войска превышает 90 тысяч человек; в нем все три рода оружия: пехота, кавалерия и артиллерия. Эта дисциплинированная и испытанная в боях армия могла бы смело выступить против шведских королевских войск; но Петр все еще продолжает вести завоевательную войну в Прибалтийском крае и только оборонительную в Польше. Остановимся на некоторых фактах Северной войны до движения Карла XII в Россию.

В 1704 году Шереметев опустошил Эстонию. В присутствии Петра приступом взят Дерпт со 132 орудиями; жителям предложено остаться на своих местах, и утверждены за городом все его привилегии к Нарве. Царь предложил городу сдаться. Но комендант Горн отвечал язвительным письмом, намекая на неудачу первой осады. Петр приказал прочесть это письмо перед своими войсками; оскорбление, нанесенное царю, привело в неистовство русских солдат. Бешеным приступом взяты укрепления, войска ворвались в город и стали истреблять жителей, не щадя женщин и детей; Петр вооруженной силой прекратил напрасное кровопролитие, но строптивому коменданту Горну дал крепкую пощечину. За Нарвой перешел к русским Иван-город. Осенью, посетив еще раз Олонецкую верфь, Петр заложил в Петербурге адмиралтейство, осмотрел вновь завоеванные города и в декабре устроил в Москве триумфальные торжества по случаю возвращения России ее древних земель.

Завоевание Прибалтийского края продолжалось успешно. Отправив Шереметева усмирять бунт в Астрахани, царь назначил главнокомандующим над своими войсками генерала Огильви. В январе 1706 года Карл XII, несмотря на суровую зиму, двинулся к Гродно, думая захватить там Августа; но польский король с четырьмя русскими полками успел переменить позицию и соединиться со своим генералом Шилленбергом; его настиг и разбил шведский генерал Реншильд. Карл подступил к Гродно, в котором заперлось русское войско под начальством Огильви. Это была уже не “армия мужиков”, а привычное к боям и хорошо организованное войско. Но оно гибло от недостатка провианта и болезней, развившихся в городе. Во что бы то ни стало надо было его спасти. Петр попытался сам пробраться в Гродно, но шведы тесно облегли город. Тогда

он создает гениальный план освобождения своей армии и необыкновенно искусно приводит его в исполнение. Чтобы несколько оттянуть шведов от города, устраивает из 15 тысяч казаков и конницы новый базис для русских войск; затем двумя отрядами перерезает сообщение Карла со второй шведской армией и таким образом лишает его самого средств продовольствия. Король принужден растянуть свое войско на несколько верст, чтобы прокормиться наличными силами провинции. Царь шлет приказание Огильви: воспользоваться расстоянием, образовавшимся между городом и шведским лагерем, но только в момент вскрытия Немана. У русских был в городе постоянный мост, а у шведов, в трех верстах выше Гродно, временный, не способный выдержать напор льда. Петр пишет указ своей армии: бросить артиллерию, перейти во время ледохода на левый берег Немана и двинуться между Брестом и Пинском, “чтобы обойти верховье Припети и, оставя ее в левой руке, идти к Киеву или Чернигову, и сперва zelo поспешно день другой идти, чтобы неприятель не догнал, а когда зайдете за Пинск, где река Припеть начинается, тогда можно вам идти по воле, ибо неприятель сию реку, ради ее болот, перейтить и вам передо занять не может; а сзади с пехотою не поспеть, а с одною конницею будет бессилен”. Русская армия вышла из Гродно именно в то время и по той самой дороге, которые были указаны Петром. Шведы, не будучи в силах догнать русских, двинулись наперерез им к Пинску; но Петром все было предусмотрено: наличные силы и состав обеих армий, мельчайшие подробности географических условий и время года. Король только напрасно измучил свои войска: разлившиеся ручьи и речки, наконец, непроходимые болота до того затруднили движение шведов, что Карл принужден был остановиться и дать роздых своей армии. Петрово войско прибыло в Киев, не дав ни одного выстрела и почти без всяких потерь. Одно Гродно – говорит военный писатель Леер – могло бы поставить Петра в число великих полководцев Европы.

При вступлении шведов в Россию Петр составил замечательный план обороны и проявил необыкновенно энергичную деятельность. Велено было укреплять Москву, Серпухов, Можайск, Тверь и, в случае опасности, вывозить казенные и церковные сокровища на Белое озеро. Чтобы лишить шведов продовольствия, русские опустошили Белоруссию. В сражениях при Головчине и Добром победа куплена Карлом XII потерей значительной части шведской армии. Движение короля на Украину было неожиданностью для Петра, потому что ему не были известны переговоры гетмана со шведами. Русские не преследовали Карла и все свои силы направили на корпус Левенгаупта, шедшего из Лифляндии. В присутствии

Петра, при местечке Лесном, шведы разбиты наголову. Вскоре царь узнал, что малороссийский гетман передался на сторону шведов. Немедленно же приняты энергичные меры, совершенно парализовавшие все последствия измены.

Малороссия не пошла за своим старым гетманом. Народ заволновался, когда узнал о приближении чужеземцев. Вооруженные толпы нападали на чиновников, помещиков, купцов и евреев и присоединялись к отрядам московского царя. После нескольких стычек и передвижений войск, шведских и русских, военные действия прекратились. Наступила суровая зима. Шведы гибли от морозов и недостатка провианта; от главной армии отделялись мелкие отряды, которые с оружием в руках отбивали от малороссов скудные запасы. Армия Карла таяла, войска Петра пополнялись свежими силами. Царь узнал, что король возбуждает против него турок, а сам хочет идти на Воронеж. В начале февраля Петр едет в Воронеж и Тавров на корабельные работы; со вскрытием рек, несмотря на нездоровье, спускается в Новочеркасск; осматривает Азов и Троицкую крепость, плавает по Азовскому морю, а в мае, степью через Харьков, возвращается к войску, стоящему против шведов. В отсутствие царя продолжались военные действия.

Петр приехал в армию 31 мая. Король около двух месяцев осаждал Полтаву, надеясь найти в ней большие запасы. За рекой стояло русское войско. Царь известил о своем прибытии коменданта Полтавы письмом, брошенным в пустой бомбе. Он решил генеральной битвой освободить Полтаву от осады. Несколько дней совершался переход русских войск через Ворсклу. Стали укреплять лагерь шанцами. Шведы пытались взять Полтаву приступом, но были отбиты и сняли осаду. Король и Петр готовились к решительному сражению. Все преимущества были на стороне русских. Но Петр все еще откладывал бой со дня на день, поджидая 20 тысяч калмыков. Карл проявил свою обычную стремительность и решил двинуть свое войско 27 июня на рассвете. “Какая бесконечная разница в распоряжениях обоих полководцев! – пишет Леер, – у одного строгий расчет, гармоническое сочетание решительности с осторожностью; у другого игра, самая отважная игра – все предоставлено на авось, все поставлено на карту!” Ночью, осматривая лагерь, Карл слишком близко подъехал к сторожевому посту казаков и был ранен в ногу; сидя в качалке, король велел возить себя по полю сражения. Шведской армией предводительствовал Реншильд. Русскими войсками командовал фельдмаршал Шереметев, но душою сражения был сам царь Петр. Он обратился к своим солдатам с воззванием, в котором воодушевлял их на

героическую защиту родины. С блестящей свитой пронесся он перед своими полками. Он принимал личное участие в битве: то окидывая одним взором движение войск, то появляясь, “могущ и радостен, как бой”, в самых опасных местах сражения. Шведские пули чуть было не поразили царя: одна прострелила шляпу, другая попала в седло, третья – погнула золотой крест, висевший на его груди. Адская битва решила в два часа участь великой армии. Шведов убито в огне и схватке около 9 тысяч, часть с генералами и фельдмаршалом взята в плен, остальные бежали. Враг был сломлен и окончательно побежден. Только запорожцы Гордиенка ускакали; спасаясь от гнева московского царя, они увезли с собой и Карла XII. Шведский министр граф Пиппер с королевской канцелярией сдался русским в Полтаве. После победы Петр устроил пир на поле брани; возвратив шпаги шведским генералам, он поднял кубок за своих учителей в военном деле; но затем многих шведов разослал по тюрьмам в далекую Сибирь. “Из всех битв, орошавших землю кровью, – замечает Вольтер, – быть может, одна Полтавская битва послужила ко благу человечества. Она дала Петру время и средства для просвещения обширнейшей из стран света”. Отзыв Белинского: “Полтавская битва была не простое сражение, замечательное по огромности военных сил, по упорству сражающихся и количеству пролитой крови; нет, это была битва за существование целого государства; это была проверка действительности замыслов, столь великих, что, вероятно, они самому Петру, в горькие минуты неудач и разочарования, казались несбыточными, как и почти всем его подданным. И потому на лице последнего солдата должна выражаться бессознательная мысль, что совершается что-то великое и что он сам есть одно из орудий совершения”. Петр учредил в честь Полтавской битвы ежегодный праздник. С этого дня Прибалтийский край принадлежал русским. Царь писал после Полтавы: “теперь положен камень в основание Петербурга”. Северная война еще продолжалась, но военное могущество Швеции было окончательно сломлено: ее политическое значение в Европе перешло к России.

После победы под Полтавой русские сделали значительные завоевания в Прибалтийском крае. 12 июня 1710 года Выборг сдался на капитуляцию адмиралу Апраксину. Но Петр, принимавший в этой осаде участие, под предлогом, что шведы задерживали в Стокгольме русского посла князя Хилкова, приказал угнать шведский гарнизон в Россию и часть жителей перевести в Петербург. Вся Эстония покорилась; взяты города Рига, Ревель и другие; возвращена русским древняя Корела. В память этого события основан близ Петербурга монастырь Александра Невского, некогда

одержавшего здесь победу над шведами и немцами. Новым своим подданным Петр даровал многие льготы, обещал неприкосновенность языка, исповедания и судов в их крае, Перновскому университету царь объявил свое покровительство. В Курляндии правительницей была Петрова племянница, Анна Иоанновна. Относительно Польши царь перешел из положения союзника в положение господина и владыки. Дания снова вошла в союз с Россией. Австрийский император готовился выдать свою сестру за сына Петра – Алексея. Голландские и немецкие государства объявили нейтралитет для участников в Северной войне. Английская королева в своих сношениях с Петром дала ему титул императора.

Война с Турцией, вызванная Карлом XII и союзниками Петра: валахским и молдавским господарями, – окончилась неудачным для царя Прутским походом. Русские уступили Азов со всем побережьем, обязываясь скрыть порубежные города, не вмешиваться в польские дела, и заключили мир с турками на 25 лет. Когда потеряна была последняя надежда на успех восстановить Турцию против царя, шведский король, переодевшись в частного путешественника, проехал через Трансильванию в свои владения. Русские военные действия сосредоточились в Померании и Финляндии. Под личным предводительством Петра в феврале 1713 года взят город Фридериксштадт. Царь поручил вести войну в Гольштинии датскому королю, дав ему в помощь русский отряд под начальством Меншикова. Возвращаясь в Россию, Петр посетил ганноверского курфюрста и молодого прусского короля, которого он желал втянуть в Северную войну. Король, следуя примеру своего отца, уверял царя в дружбе, но не начинал действий против Швеции. Летом 1713 года Петр отплыл от Петербурга с 12-тысячным войском и, пристав к Гельсингфорсу, прогнал оттуда шведского генерала; дальнейшие действия в Финляндии были поручены вице-адмиралу Апраксину. Завладев Або, столицей Финляндии, Апраксин и Голицын разбили шведского генерала Армфельда. На долю Меншикова пришлись дипломатические успехи. Он сошелся с голштинским министром Герцем, который предложил союз с Гольштейн-Готторпским домом посредством брака молодого герцога с дочерью Петра, царевной Анной, а города в Померании отдать в секвестр прусскому королю и голштинскому администратору. Эта комбинация понравилась Петру: таким образом он приобретал нового союзника. Меншиков взял контрибуцию с Гамбурга и Любека за их сношение со шведами. 19 сентября сдался Штеттин. Но датский король бездействовал, а прусский только забирал под свою власть города, завоеванные русскими. Курфюрст Ганноверский, ставший после смерти Анны английским королем, оставил

за собой Бремен и Верден; таким образом многие желали поживиться за счет Швеции, но вести войну предоставляли только одному Петру. Завоевание Финляндии продолжалось успешно. Самой блестящей победой была морская победа, одержанная самим Петром при Гангуте. Наконец союзникам удалось одержать решительную победу над Карлом XII. Штральзунд, после продолжительной осады, сдался датскому и прусскому королям; Карл убежал в Карльскруну^[4] набирать свежие силы для ведения войны. Петр отправляется со своею женой за границу. Наступает период дипломатических сношений; но военные действия не прекращаются. В Данциге весной 1716 года царь совершил бракосочетание своей племянницы Екатерины Иоанновны с мекленбургским герцогом. Повидавшись с прусским королем в Штеттине, он съехался с датским королем в Альтоне. Между ними условлено соединить свои сухопутные и морские силы в Копенгагене. В мекленбургские владения вступают войска Шереметева, Баура и Репнина. Петр взял под свою личную команду галерный флот и 17 июля прибыл в Копенгаген. На рейде Петра встретил датский король и вместе с ним вступил в столицу. Петр пробыл в Копенгагене три месяца. Пока шли переговоры и сборы, он ездил по морю, чертил карты, беседовал с техниками и учеными, посещал учебные заведения и академии. Но союз русских с датчанами не налачился. Зимой Петр в Голландии. В апреле из Гааги через Брюссель он отправляется во Францию, заключает с королем дружеский договор, не имевший, впрочем, политических последствий. Пребывание Петра во Франции произвело сильное впечатление на парижан. Все удивлялись простоте и деловитости русского царя, его ясному и глубокому уму, обширности его познаний. Царя поместили в Лувре; но ему показалось это помещение слишком роскошным. На другой же день он перебрался в гостиницу. Его посетил герцог Орлеанский и король Людовик XV. В присланной за ним коляске царь отправился во дворец. Его встретили торжественно король и придворные. Не стесняясь этикетом, Петр взял малолетнего короля на руки и внес его по лестнице, среди великолепной свиты и дворцовой гвардии. В следующие дни он посетил ученые и промышленные заведения, осмотрел разные достопримечательности Парижа. В области наук и искусств, – говорили парижане, – русский царь превосходит государей, имевших счастье родиться в просвещенных странах. 2 августа он возвратился в Амстердам. Начались переговоры со Швецией. Съезд уполномоченных открылся через три месяца на Аландских островах. Через Берлин и Данциг Петр вернулся в Петербург, после второго шестнадцатимесячного путешествия за границей.

Шведские дипломаты проявили необыкновенное упорство. В конце декабря 1716 года пришла весть, что Карл XII убит при осаде крепости в Норвегии. Шведский престол перешел к его младшей сестре Ульрике-Элеоноре, состоявшей в замужестве за гессен-кассельским принцем. Для Швеции открывалась возможность вступить в более выгодные соглашения с другими соперничающими державами. Чтобы сломить сопротивление шведов, царь отправил свой флот опустошить шведские берега, а затем послал Остермана, под белым флагом, к Стокгольму, для переговоров о мире. Но королева, ее супруг, аристократы отвечали раздраженно: после такого опустошения шведских берегов царю заключить мир со Швецией труднее, чем когда бы то ни было. Конференции прекратились. Англия, со своей стороны, препятствовала примирению Швеции с Россией. В июне 1720 года, по ее ходатайству, подписан мирный договор между Швецией и Данией. На балтийских водах вновь появился английский флот, но Петр во второй раз разорил берега Швеции. Наконец покровительство, оказываемое голштинскому герцогу, как претенденту на шведский престол, заставило королеву возобновить переговоры. 30 августа 1721 года заключен окончательный Ништадтский мир, прекративший Северную войну. Россия приобретала в вечное владение Лифляндию, Эстляндию, острова Эзель, Даго и Мон, Ингерманландию, часть Карелии и Выборг; остальная часть Финляндии возвращена Швеции.

22 октября праздновали в Петербурге заключение Ништадтского мира: устроены молебствия, великолепные торжества и роскошный пир для царских сановников и для народа. После речи канцлера Головкина и приветствий сенаторов, провозгласивших царя императором, Петр сказал: “Зело желаю, чтоб наш весь народ прямо узнал, что Господь прошедшею войною и заключением мира нам сделал. Надлежит Бога всею крепостью благодарить; однако, надеясь на мир, не ослабевать в воинском деле, дабы с нами не так случилось, как с монархией греческою”. От имени сената и синода за все старания государя, за то, что он “изволил привести Всероссийское государство и народ в такую славу чрез единое свое руководство”, поднесен Петру титул “Отца отечества, императора Всероссийского, Петра Великого”, и установлена сенатом новая форма для титулования царя в манифестах и челобитных. Веселые празднества и шумные маскарады продолжались более месяца, сперва в Петербурге, а потом в Москве.

С этого времени участие России в общеевропейской политике приобретает постоянный и активный характер. Русское правительство вышло из московской замкнутости и неподвижности; оно деятельно

составляет коалиции среди европейских государств, подыскивает себе союзников и привлекает их к разрешению международных вопросов. Отвоевав от Швеции приморские провинции, Россия достигла небывалого политического значения, стала одной из могущественных держав в Европе.

Глава IV. Государственные реформы

Преобразования и реформы Петра вызваны не одною его личной волею и даже не исключительно самодержавной властью, наследованной им от предков. Формы и направление его законодательной деятельности определялись прежними государственными началами, нуждами великой войны, кончившейся незадолго до смерти преобразователя, заимствованиями с Запада и международным положением русского государства.

“Если наша революция в начале XVIII века, – говорит историк Соловьев, – была необходимым следствием всей предшествовавшей нашей истории, то из этого вполне уясняется значение главного деятеля в перевороте, Петра Великого: он является вождем в деле, а не создателем дела, которое потом есть народное, а не личное, принадлежащее одному Петру”. Правители обычного типа являются только выразителями интересов и воли их окружающих. Но еще в большей степени они являются органами воли тех, “которые уже исчезли”. Их роль, как регуляторов, состоит главным образом “в принуждении повиноваться унаследованным правилам поведения, – правилам, олицетворяющим идеи и чувства их предков. Но Петр говорил своему кабинет-секретарю Макарову: “Легче всякое новое дело начать и окончить, чем старое испорченное дело починивать”, – такова была “присловица” государя. Петр, по своему воспитанию, симпатиям и умственным склонностям, враг всякой рутины, а в особенности традиций московской старины. Он не был и не желал быть “царем в смысле своих предков; это был герой-преобразователь, или, лучше сказать, основатель нового царства, новой империи, и чем более вдавался он в свою преобразовательную деятельность, тем более терял возможность быть похожим на своих предков”. Идеи преобразования создались, конечно, не вдруг, в виде стройной выдержанной системы; они возникали постепенно, в зависимости от личного опыта и потребности времени. Преобразование совершалось необыкновенно торопливо, страстно, порывисто и беспорядочно. Царь был только гостем в Москве; то и дело отвлекали его военные действия и неотложные дела в разных концах государства. Только впоследствии, когда рядом побед была создана внешняя безопасность, явилась возможность для более спокойной преобразовательной деятельности.

Реформам не предшествовали общественные движения, которые могли

бы создать философские основания и теоретические системы преобразования. Даже высшие классы населения лишены были критического сознания и всякой личной инициативы в деятельности. Пред царем падали ниц и называли себя холопами и сиротами, подписывались под челобитными уменьшительными именами, но считали себя избранным народом; пользовались службою иностранцев, но называли их еретиками; свои старинные обычаи, уставы признавали богоугодными и святыми наравне с церковью. Безвольное население крепко держалось предубеждений и привычек, привитых ему установившимися порядками и государственным строем.

“Наш народ, – говорит Петр, – яко дети учения ради никогда за азбуку не примутся, когда от матери не приневолены бывают, которым сперва досадно кажется, но, когда выучатся, потом благодарят, что явно из всех нынешних дел; не все ль неволею сделано?” Он был глубоко убежден, что только насильственным путем, с помощью царских указов и всеильной администрации, возможно пересоздать народную и государственную жизнь. И державный мастер круто приступает к ломке старых порядков, не считаясь ни с народной психологией, ни с теми идеями и отношениями, которые успели прочно отложиться в хозяйственном быту. Орудие его – самодержавная власть; его цель и оправдание – польза государства и благо народа.

Необходимо также принять во внимание, что молодой царь и его приближенные: Курбатов, Меншиков, Апраксин, Ягужинский и другие, были только самоучками и дилетантами в делах управления. Московские бояре давно превратились в “отпавшее зябкое дерево”. В царском совете они сидели, – по показанию Кошихина, – “брады свои уставя и ничего не отвечаая, понеже царь жаловал многих бояр не по разуму их, но по великой породе, и многие из них грамоте не ученые и не студерованные”. Такие государственные люди не надобились Петру, а опытных администраторов и законодателей достать было неоткуда. Не сохранилось указа об упразднении Боярской думы; но факт несомненен. Первые верховные учреждения Петра – Кабинет и Ближняя канцелярия. В них участвовали приближенные царя, пользовавшиеся его собственным доверием: Головин, Стрешнев, Ромодановский и другие. А. В. Макаров состоял секретарем при Кабинете и докладывал самому царю все поступившие просьбы, жалобы и донесения. В день объявления войны с Турцией, 22 февраля 1711 года, создано новое высшее учреждение: “определили быть для отлучек наших правительствующий Сенат для управления”. 2 марта издан другой указ: “Всяк да будет послушен Сенату и их указам так, как нам самому”. Петр

убеждал своих сотрудников действовать вполне самостоятельно и называл их “господами Сенат”. Это учреждение стояло гораздо выше Боярской думы: в нем соединялся высший судебный авторитет с административным и законодательным.

На Сенат возложено было: “суд иметь нелицемерный и неправедных судей наказывать; смотреть во всем государстве расходов и ненужные и особливо напрасные отставить. Денег как возможно собирать, понеже деньги суть артерию войны”. Следуют постановления о собирании войска, откупе соли, торге китайском и пр. Сенат был поставлен в живую связь с другими учреждениями. В его канцелярии безотлучно находились комиссары из каждой губернии для принятия указов и ответов по делам, касательно их губерний. Фискалы доносили о деятельности судебных инстанций и разных присутственных мест.

К реформе государственных учреждений преобразователь приступал только после тщательного изучения и продолжительного обсуждения проектов, представленных кем-либо из его сотрудников или по его личному приказанию. Так, в 1698 году англичанин Францис Ли составил, по поручению царя, проект введения коллегиальной системы в администрацию. Петр беседовал о коллегиях и с Лейбницем, Любрасом и другими. Для него составлено было множество записок. Несколько лиц послано в Швецию для изучения тамошних учреждений. В 1715 году царь поручает генералу Вейде набрать иностранных ученых и в “правостях” искусных людей для служебных дел.

Коллегии введены в 1718 году. На службу предпочитали принимать пленных шведов, но из них набралось мало охотников; стали вызывать чиновников из австрийских земель: по предложению Петра, славяне скорей могли бы усвоить русский язык и привыкнуть к делопроизводству. Для каждой из них составлены особые законоположения и уставы, “дабы всякий чин знал свою должность и обязан был своим знанием, а невежеством не отговаривался”. В провинциях учреждены земские канцелярии под управлением воевод и подчиненные центральному учреждению. Здание увенчивал генеральный регламент о порядках и движении дел во всех коллегиях.

Этот сложный механизм приведен в действие в 1719 году. Новая администрация производила на массы ошеломляющее впечатление. Для русского уха звучали дико и непонятно названия ландрентмейстер-камер-коллегии или кирхшпильсфохт и подобные чудовищные названия. Сам державный мастер был сильно недоволен медлительностью и запутанностью во всех делах. Коллегиальный принцип совершенно

извратился на русской почве. Лейбниц сравнивал администрацию с часовым механизмом, колеса которого сами приводятся в движение. На практике же административная машина вышла из рук вон плохою. Колеса не двигались, тормозили друг друга и ломались. Угрозы и суровые меры, к которым так любил прибегать государь, мало помогали делу. В своем указе Петр изображает такую картину современного порядка: от губернаторов и воевод “не только слабое отправление идет, но и весьма много ослушание чинится и якобы ни во что оное вменя тщатся только восстановить надлежащий в коллегии порядок, а фискалы о том не доносят~ Один суд другой суд ни во что вменяет и не только исполнять, но и яростью поносить хочет”. Все делалось как будто наперекор, в насмешку над указами царя и даже над самим генеральным регламентом. “Господа Сенат” тоже не оказались на высоте своего призвания. В 1719 году появляется указ: “Никому в Сенате не позволяется разговоры иметь о посторонних делах, которые не касаются службы нашей, тем менее заниматься бездельными разговорами или шутками, понеже Сенат собирается вместо присутствия его величества собственной персоны”. В коллегиях не шутили, не разговаривали, но и дела не делали. За неисполнение указов царь угрожал разорением, ссылкой и лишением живота. Губернаторам приказано провинившимся сковывать ноги, накладывать цепи на шеи и не отпускать до тех пор, пока не исполнят предписания. Но жалобы и доносы продолжали поступать со всех сторон. Петр грозит самим губернаторам и высшим властям жестокими наказаниями за все неисправности. Своенравный царь никак не мог понять, что имеет дело не с мертвым материалом, из которого что угодно можно мастерить, а с живыми людьми, с народом, обладавшим славным историческим прошлым.

В области торговли и промышленности деятельность Преобразователя оказалась более успешной. В апреле 1702 года издан знаменитый манифест о вызове иностранцев в Россию. В нем Петр Великий объясняет свой взгляд на задачи государственной деятельности.

В XVII веке наша торговля ограничивалась перевозкою в пределах государства хлеба, сала, кож, дегтя, сырых продуктов или товаров низшего сорта. Города малонаселенные отличались от деревень только просторной базарною площадью, большим количеством церквей и крепостью, обыкновенно земляною. Жители, посадские и купцы, не оставляли земледелия, промышляли кустарничеством, выделкою грубого полотна и мелочным торгом сельскими продуктами и изделиями для домашнего потребления и обихода. Ремесла находились в зачаточном состоянии, с художеством и изящными искусствами русские совсем не были знакомы.

Богатые и знатные люди покупали предметы комфорта и роскоши от иностранных купцов. Правительство выписывало из-за границы сукна, металлические изделия и даже пушки и ядра. При Алексее Михайловиче стали устраиваться металлургические заводы. Но только при Петре положено основание крупного производства в различных отраслях промышленности, а с приобретением морских пристаней – и начало русской внешней торговли.

В хозяйственном быту царь хотел быть таким же наставником своего народа, как и в государственных порядках. Во многих отраслях технологии Петр был знатоком, хорошим работником и в некоторых ремеслах специалистом. Он предписывал всем и каждому, ремесленнику, купцу и даже земледельцу, как должно работать и извлекать выгоду, и всячески вмешивался в народную промышленность. Некоторые распоряжения действительно оказали пользу, но другие остались без последствий или были напрасной тратой средств и вызвали жестокое обращение с людьми. Впрочем, Петр сам жалуется, что из всех дел администрации торговля представляет наиболее затруднений.

По приказанию царя, по всему государству разъезжали особые сведущие люди, отыскивали наиболее удобные местности для различных производств. Основывались фабрики и заводы. Особенное старание, ввиду корабельных работ, приложено было к сохранению лесов. Петра называют первым русским лесоводом. Для развития овцеводства и шерстяной производительности выписаны пастухи из Силезии; устроены мануфактуры шелковых изделий; приняты разные меры для улучшения домашнего скота и т.д. Постоянно нуждаясь в деньгах, правительство установило новую должность “прибыльщиков”, которые обязаны были изыскивать всевозможные источники доходов. По их предложению введена гербовая бумага, сделан выпуск легковесной монеты, отданы на откуп ловли^[5] и установлены многие новые налоги. Если, с одной стороны, правительство старалось развить промышленность и благосостояние, то с другой, – с не меньшей ревностью оно преследовало цели фискальные, устанавливало налоги на всевозможные предметы потребления и промыслы. О недостатках экономической политики Петровского времени говорит, между прочим, и Посошков, в своем известном сочинении “О скудости и богатстве”: “В поборах за гривну из человека хотят душу вытянуть, а где многие тысячи погибают, того немало смотрят~ а что тем собиранием немало бед наделают, того не смотрят и не радуют о том”.

Столкнувшись за границей, главным образом в Голландии, с промышленной и культурной буржуазией, Петр Великий многого ожидал

от организации русского городского населения по западноевропейскому образцу. Законодатель говорит, что в России ремесленники и купцы “от всяких бед, нападков и отягощений несносны, едва они не разорены, отчего иных весьма умалилось, что есть не без важного государственного вреда”; средство против этого зла – городское самоуправление.

Заботы Петра о промышленном классе выразились “в улучшении торговых уставов и устройстве гильдий и полиции”; 16 января 1721 года издан регламент главного магистрата. Гражданами признаны только ремесленники и торговые люди. Живущие наймом чернорабочие не были признаны действительными гражданами. К сословиям города не отнесены также шляхетство и духовенство, не причастное к торговле. Магистрат состоял из зажиточных граждан и выбирал себе президента или бургомистра. Магистраты ведали торговлю и экономию города и не подчинялись воеводам и губернаторам. По уголовным делам купцы и ремесленники подлежали суду главного магистрата; последний обязан был также устраивать ярмарки, заводить биржи и вообще стараться, чтобы города были “в такую знатность и почтение приведены, как в оных государствах обыкновенно есть”. Обер-президент главного магистрата присутствовал в заседаниях камер-коллегии и мог делать предложения о переменах уставов, касающихся торговли и мануфактур, налогов и поборов, обременяющих горожан.

Тем не менее на промышленность и торговлю Петр Великий смотрел только как на некоторую службу государству.

Первая ревизия 1719 года не делала различия между холопами, полусвободными кабальными и крестьянами. Таким образом, независимо от намерений Преобразователя, крепостничество усилилось пространственно. Процесс закрепощения окончился установлением новой податной единицы: ревизской души. Подворная подать заменилась поголовной, или подушной. Податью облагалось не хозяйство, даже не доходность труда, а сама личность; положение холопа улучшилось, но крестьянство теряло, потому что собирали с него подати и отвечали за него пред правительством не выборные начальства, а частные собственники; таким образом, создалась полная личная зависимость крестьянина от землевладельца. Государство более не признавало вольных, гулящих людей. Указом 1722 года велено было всех гулящих писать в солдаты, негодные же для службы должны сыскать себе определенное занятие, иначе им грозили галерные и другие работы.

Дворянство, то есть разных “чинов” служилых людей Московского государства, законодательство Петра окончательно обособило в “корпус”

дворянства, – сословие, пока еще с чужим именем “шляхетства”. Русское дворянство обречено было всю жизнь служить государству; правительство часто призывало дворян в столицу на смотр с детьми и сродниками; непослушным царскому указу грозило отобранием имений.

Основы дворянского землевладения подверглись существенным изменениям: владелец обязан был передать свое недвижимое имущество одному из своих прямых наследников, а других наделить движимостью, ибо от раздела дворянской земельной собственности “великий есть вред как интересам государственным, так подданным, и самым фамилиям падение”. Но майоратство не привилось на русской почве.

Табель о рангах – 24 января 1722 года – во-первых, устраняла, в принципе, замещение тех или других должностей по знатности рода и, во-вторых, открыла доступ к дворянству другим сословиям. Государственная служба разделялась на военную, статскую и придворную, и каждая разделялась на 14 степеней, или классов. Для рангов полагался убор и прочие знаки отличий: “понеже знатность и достоинство какой особы часто умаляется, когда убор и прочий поступок чем не сходствует”. Уничтожая преимущество рождения, табель о рангах вносила в жизнь новое зло: низкопоклонство, пролазничество, чванство чинами и т.д. Дворянам заведены особые списки; таким образом положено начало родословным книгам и герольдии. За высшие заслуги жалуются иностранные титулы, герб и некоторые особые права и преимущества. Всеми этими мероприятиями Петр Великий не предполагал создать класс людей, превращающих государственную службу в доходную профессию и отождествляющих себя с правительством, свои личные выгоды и интересы корпорации с пользой и интересами государства. Преобразователь не щадил чиновничество, не замедлившее воспользоваться своим привилегированным положением в ущерб казне и во вред народу. 24 декабря 1713 года лицам всех званий, и великих, и малых, запрещается брать посулы и пользоваться казенными доходами, под предлогом торга, подряда и т. п.; за нарушение закона виновный “жестоко на теле наказан, шельмован, всего имения лишен, и из числа добрых людей извержен, и смертью казнен будет”. Сами обыватели обязаны отличать таких преступников, “не выкручиваясь тем, что страха ради сильных лиц, или что его служитель”. Не ограничиваясь указами, правительство преследовало взятки и казнокрадство особыми печатными объявлениями, которые оповещались народу чтением в церквях. 31 декабря 1719 года дана инструкция фискалам “присматривать, чтобы служащие исполняли свои должности не во вред царя и без отягочения подданным”. Однако –

говорится в приказе – “по одному разглашению и без основания верного и доброго служителя Его Величество в чести, животе и имении по своему произволению не повреждать”. Тем не менее, уже в июне 1720 года Нестеров докладывал царю, что поступило множество жалоб на губернаторов, вице-губернаторов и других чиновников. Народ со своей стороны роптал, что его вконец разорили на правежах и измучили разные областные власти.

Государю очень не по сердцу были кляузы фискалов и развившаяся в народе страсть к доносам; но другого контроля над действиями администрации Преобразователь пока не мог домыслить. Тем с большей жестокостью преследует он крупных взяточников. Так, князь Гагарин, сибирский губернатор, по приказанию царя был повешен. Архангельский вице-губернатор Курбатов умер под следствием, не дождавшись суда. Петербургский вице-губернатор Корсаков публично наказан кнутом; сенаторам князьям Волынскому и Опухтину жгли языки каленым железом; доход с имений Меншикова шел на погашение казенных растрат; сам обер-фискал Нестеров был мучительно казнен; многие знатнейшие сановники лишены имущества, наказаны кнутом и сосланы.

Царь сознавал необходимость в новом кодексе законов. 8 августа 1720 года приказано учредить комиссию для составления русского уложения по лифляндским, эстляндским, а более по шведским законам.

Одновременно с городским самоуправлением вводилось коллегиальное устройство в дела и порядки церкви. Петр принимал непосредственное участие в составлении духовного регламента. В нем сказалась глубокая ненависть к старине и рационализм, свойственный умственному складу государя. Регламент вооружается против множества предрассудков, злоупотребления верой в чудотворные иконы и т. д. и указывает на необходимость образования: “всеконечная нужда иметь некоторые краткие и простым человекам вразумительные и ясные книжицы, в которых заключается все, что к народному наставлению довольно есть, и тыя книжицы прочитать по частям в недельные и праздничные дни в церкви пред народом”. Епископы обязаны учреждать школы для первоначального обучения священнических детей; библиотеки при школах должны быть открыты во все дни и часы; предполагалось завести семинарии и академии и пр. Затем следуют постановления о духовных проповедниках, раскольниках, постройке церквей, духовной цензуре, коллегиальном управлении, суде и т. д. Указом 14 февраля 1721 года упразднился монастырский приказ и архиерейские имения переходили в ведомство синода.

Петровское правительство призывало к труду и службе государству все сословия, без различия сана и происхождения. Северная война потребовала ужасных издержек; население было отягощено рекрутскими наборами, налогами и натуральными повинностями. В январе 1724 года издан именной указ Священному синоду: “Надлежит искать способы, каким бы образом иной путь пред Богом угодный и пред людьми непостыдный и неблаженный был~ Понеже большая часть монахов тунеядцы есть~ а где и сами трудятся, то только одну долю от трех против поселян работают”.

Главное внимание Петра Великого в продолжение всего царствования обращено на организацию сухопутного войска и создание военного флота. Им установлены постоянные рекрутские наборы и создана регулярная армия. Военные люди стали принадлежать исключительно своей службе и не допускались к занятию другими делами. Им выдавалось определенное жалованье и казенный провиант. Кодекс военных законоположений составлен еще до открытия военной коллегии; он определял не только права и обязанности подчиненных и начальства, но и военное судопроизводство и устройство армии. Адмиралтейская коллегия устанавливала единство в управлении флотом и всеми морскими делами. В конце царствования Петра Великого регулярное войско достигало 180 тысяч человек. Оно было вооружено и обмундировано по западноевропейским образцам, прекрасно дисциплинировано и испытано в боях. Издержки на содержание флота быстро возрастали. В 1721 году расход на морское дело, включая сюда и заводы, приписанные к морскому ведомству, простирался до 1150 тысяч рублей, что составляло более одной пятой общего военного бюджета. Русский флот состоял из 48 линейных кораблей и до 800 мелких судов при экипаже в 28 тысяч человек. Для флота и армии Петр не жалел ни средств, ни людей. В своем указе и регламентах он часто объясняет, что от военного могущества зависят крепость государства, благосостояние народа и успехи во внешней политике.

Глава V. Общественные преобразования

“Говоря о Петре, многие видят в нем больше реформатора, – говорит Белинский, – и забывают колоссально нравственный и религиозный дух, которого вся жизнь была страстным служением идее”. В XVII веке народ и общество сильно волновали религиозные интересы: столкновение новых учителей со старыми повело к церковному мятежу, расколу. Молодые люди, получившие светское образование или обучившиеся у западных монахов, не могли не видеть, что духовные авторитеты многое толкуют неправильно и произвольно, насилуя живое чувство и здравый смысл, придают слишком большое значение простой обрядности и внешним формам благочестия. Некоторые раскольничьи толки проявили сильное стремление освободиться от всякого авторитета и склонность принять рационалистические учения. Борьба получила особенную страстность, потому что вопросы религии тесно соприкасались с вопросами нравственности и общего просвещения. Дети “попов, дьяков и всяких церковных причетников, – говорит современник, – не обучаются грамоте, живут в гуляках, ходят за неподобными промыслами и воровством”. Правительство издает указы, чтобы белое духовенство “детей своих, братью и племянников от всяких неподобных и воровских промыслов унимали, всякому доброму делу учили, чтобы они за воровством вперед не ходили, а которые захотят добровольно записываться в нашу службу, тем не запрещали”. При дворе благочестивого Алексея Михайловича, в первые годы детства Петра, вот, например, какие факты происходили в самой Москве. Приезжает к царю в Преображенское стольник Посников с челобитной на патриарха, что он посадил отца его, духовника царского, “в смирение на цепь безвинно, – так чтоб великий государь изволил бы прийти в Москву и его из смирения освободить”. Приезжает царь в Москву и посылает за патриархом; тот явился, “про то попово неистовство, невежество и мздоимство многое извещал; держит у себя жонку многое время, духовника патриарша к себе не пускал и его патриарха бесчестил”. Дело Иосифа, хранящееся в Синодской библиотеке, передает, что “называл Иосиф великого государя, будто великий государь г~, и бол~, д~; патриарха называл глупцом и безлюдицею; архиереев скотами и трусами, шушерою. Ездил в домовые свои и монастырские вотчины с монахами и домовыми людьми, а после стола в селах и погостах и на лугах пред ним напився отец его духовный, архимандрит Голутына монастыря, дьяк и иные духовные люди

смехотворением многим и кощуну всякими боролися, и у тех монахов в борьбе их подолы непристойно оборочались”. Если такие явления происходили в Москве, в Коломне, – замечает Соловьев, – то что же могло происходить где-нибудь подальше, на окраине? Из духовных лиц многие участвовали в разбоях и грабежах. Так, например, разбойничал и укрывал награбленное старец Феррапонт, строитель Тартенской пустыни, и другие. Это-то духовенство, при первых попытках Петра реформировать русскую жизнь, стало распространять про царя самые нелепые слухи: “немцы царя обошли, испортили; прежние государи по монастырям ездили, Богу молились, а нынешний государь только на Кокуй ездит. Начальные люди изменили православной вере; государь ездил за море, полюбил веру немецкую, будет то, что станут по средам и пятницам бельцы и старцы есть молоко” и т. д.

Все эти слухи и обличения доходили до Петра; “враги мои, – он говорил, – бородачи-старцы и попы”, и всеми средствами власти и просвещения боролся с их влиянием. Суеверия, предрассудки и мистицизм едко осмеяны Петром еще в молодости, учреждением “всешутейшего, всепьянейшего и сумасброднейшего собора”. В народе нелепые слухи держались крепко и долго; но наверху не придавали им никакого значения; лучшие и сильные люди были увлечены всеобъемлющим движением преобразования.

С 1700 года летосчисление от сотворения мира заменено новым, от Рождества Христова; Новый год праздновался не по древнему обычаю, 1 сентября, а, как во всей Европе, 1 января. Указ за указом следовал с ужасающей быстротой. Под страхом пени велено брить бороды, носить иностранное платье, устраивать народные увеселения по заграничному образцу, с музыкой и танцами, для женщин вместе с мужчинами; приказано не совершать браков по воле родителей, без заявления желанья невесты и жениха; при встрече с царем не падать на колена, не унижать своего человеческого достоинства, не подписываться под прошениями уменьшенными именами. “Какое же различие между Богом и царем, – говорит Петр, – когда воздавать будут равное обоим почтение!” Чтобы несколько смягчить жестокие нравы, государь запретил продажу и ношение при себе длинных остроконечных ножей, которыми русские часто дрались до смерти. Велено всех без дела шатающихся людей забирать и, если окажутся годными, сдавать в солдаты; нищенство, знахарство, самозваное лекарство строго преследовалось; после большого пожара в Москве царь приказал строить каменные дома или глиняные мазанки. Подобные же правила о постройках распространялись на все монастыри.

С упразднением патриаршего престола все архиерейские и монастырские дела перешли в особый приказ под начальством Мусина-Пушкина. Монахи отстранены от дел и все духовные вотчины переписаны. Всех проживающих в монастырях в качестве гостей и родственников удалили, а девиц, моложе сорока лет, приказано было выдать замуж. Монастыри обязаны делиться друг с другом своими доходами; излишек же отдавать на богадельни и больницы. Церковные пустоши розданы во владение частным лицам с уплатою за них вдвое, втрое больше прежнего дохода. Чтобы монахи не смущали народ своими грамотами, приказано не давать им в кельи чернила и бумагу, пусть пишут при настоятеле монастыря. Встретив сопротивление со стороны великорусского духовенства, Петр Великий назначает на архиерейские места малороссов, которые были образованнее и гораздо охотнее подчинялись указам правительства. Он недолюбливал монашество, но не упразднял его совершенно. “Могут ли у нас монахи имя свое делом исполнить? – спрашивает Петр в одном указе, – сего весьма климат северные наши страны не допускает и без трудов своих или чужих весьма пропитаться не могут”. Но в делах религии правительство придерживалось либеральных начал, охотно предоставляя каждому христианину спасать свою душу по своему усмотрению. 14 марта 1720 года издан указ, разрешающий раскольникам, при уплате двойного оклада, открыто принадлежать к расколу.

Особое внимание Петра было обращено на устройство и благочиние городов и прежде всего основанного им С.-Петербурга. На его земляные и строительные работы высылались здоровые и молодые люди со всей страны десятками тысяч. Провиант для этих землекопов, каменщиков и кирпичников собирался со всего государства по числу дворов натурой и деньгами. Для различных сооружений приписаны были к Петербургу целые города с уездами: Олонец с железными заводами, Каргополь, Белоозеро, Устюжна, волости Новгородского уезда, архангельских провинций и т.д. Населяли новую столицу людьми первостатейными и среднего достатка, иностранными мастерами и торговцами, чиновниками военной и гражданской службы и царедворцами. Петр хотел привлечь в Петербург все, что только было лучшего в остальной России. Строились здания преимущественно каменные по плану, указанному правительством. В 1714 году произведена в Петербурге первая перепись: оказалось всего 34 500 домов. Изданы строгие правила о сохранении улиц и дворов в чистоте, сухости и порядке. Полиция наблюдала за опрятностью и благочинием в новом городе, забирала “гулящих и слоняющихся людей”, уничтожала

притоны разврата и пьянства и не пропускала через шлагбаумы, устроенные по улицам, ни одного подозрительного человека; нищие забирались, строго наказывались и высылались из Петербурга. Содержание полиции в 1721 году стоило 28 тысяч рублей. В том же году приказано для вывоза нечистот завести лошадей с особой прислугой и устроить освещение на Васильевском острове из 595 фонарей. Петр с любовью занимался новым городом и называл его своим парадизом.

В 1717 году учреждены “ассамблеи”, на первый раз в Петербурге. Это были общественные собрания с целью развлечений. Об открытии их сообщалось на улицах и площадях с барабанным боем. По толкованию указа: “Ассамблея есть слово французское, которое на русском языке одним словом выразить невозможно, но обстоятельно сказать – вольное, где обращение или съезд делается не только для забавы, но и для дела, где можно друг друга видеть и переговорить или слышать, что делается”. Вход на ассамблею доступен был каждому прилично одетому человеку, кроме слуг и крестьян. Хозяин не обязан устраивать для гостей, даже для знатнейших и самого царя, особого приема и удовольствий. В комнате для танцев или в другом помещении приготавливались: табак, трубки и питье для жаждущих. Карточная игра в обществе строго воспрещалась. Главное развлечение на ассамблеях составляли танцы, посредством которых женщины знакомились с мужчинами и молодые люди сближались между собою; в других покоях играли в шашки и шахматы, дамы устраивали игры в фанты. Богатые, устраивая у себя ассамблеи, обставляли их роскошью и разнообразным угощением. За нарушение установленных приличий все, не исключая и знатнейших вельмож, подвергались одинаковому штрафу: должны были выпивать наполненный вином кубок Великого Орла. Такие же правила установлены для ресторанов и других заведений, где устраивались балы и разные развлечения. Общественными увеселениями Петр предполагал уничтожить грубость и неподвижность русских нравов. Молодое поколение выросло при совершенно новых, довольно благоприятных условиях. Уже при Петре значительное число знатных фамилий, например Трубецкие, Черкасские и другие, для своих сыновей и дочерей выписывали из-за границы воспитателей и гувернанток и вообще заботились дать своим детям тщательное образование. Правда, была и отрицательная сторона в подражательности: высшее русское общество приучалось к роскоши и разврату; но другая его часть восприняла лучшие идеи и культурные начала Англии, Франции и Германии; конечно, эта часть общества оказывала большее влияние на деятельность правительства, чем всевозможные недоросли и петиметры.

Еще в 1698 году, по возвращении царя из первого заграничного путешествия, правительство стало учреждать цифирные и навигационные школы и обучать детей разным специальностям. В 1702 году, как было уже сказано, издан манифест о вызове иностранцев в Россию, дабы русские “могли тем более и удобнее научиться поныне им неизвестным познаниям и тем искуснее становиться во всех торговых делах”. Иностранцы приглашались на условиях совершенно свободного въезда в Россию, свободного отправления веры и особого суда, который должен был совершаться “милостиво”. Целыми партиями посылались молодые дворяне и разночинцы за границу обучаться морскому делу и разным наукам и искусствам. Так, в 1716 году государь приказал отправить мальчиков дворянского звания партиями в двадцать человек, морем или сухопутьем, в Венецию, Францию или Англию для обучения морскому делу; в том же году от 30 до 40 молодых подьячих в возрасте 15 – 20 лет – в Кенигсберг, для обучения немецкому языку; пять способных юношей из морских школ – в Астрахань для изучения турецкого, персидского и арабского и т. д.

Петр Великий застал в России одну типографию, при нем их стало девять. Типография в Амстердаме, основанная по инициативе Петра, изобрела светский русский шрифт. В Москве Эрнст Глюк открывает гимназию для разночинцев, доктор Бидлоо обучает при госпитале хирургии и другим различным отраслям медицины. В Петербурге заводятся разные школы, учреждаются инженерное училище, морская академия. Ученые иностранцы предлагают в своих записках различные методы распространения просвещения в России. Лейбниц и Генрих Фик составляют проект учреждения академии. Иван Посошков рекомендует устроить в Москве “великую академию, всех наук исполненную”, и приглашать учителей, “хотя бы от лютеранской веры”. Указом 27 января 1724 года повелено учредить высшую академию, “где бы учились языкам, наукам и знатным художествам”. Тогда же Петр выразил намерение основать русский университет с тремя факультетами: юридическим, медицинским и философским, а при нем – гимназию. Не меньшее внимание обращается им и на низшее образование. В том же 1724 году дан указ городским учреждениям об устройстве начальных школ при церквях и обучении грамоте и арифметике детей не только зажиточных, но и бедных родителей. Посошков предлагал ввести всеобщее обязательное начальное обучение. Правительство делало распоряжение о заведении низших технических школ, об обучении огородничеству, железному делу и т. д. Преобразователь усиленно заботится о развитии научной литературы; он не только поощряет составление и издание различных учебников, но нередко

сам редактирует их; в особенности следил за составлением географических карт и руководств по морским наукам. По его повелению снаряжены экспедиции в Сибирь для отыскания всяких “раритетов”, зверей, трав, руд и проч.; собирались древние русские летописи, хронографы; писались под руководством царя исторические сочинения и проч.

Довольно метко и красноречиво охарактеризована многообразная преобразовательная деятельность Петра Великого известным русским историком Погодиным:

“Мы просыпаемся. Какой ныне день? 1 января 1841 года. Петр Великий велел считать годы от Рождества Христова, Петр Великий велел считать месяцы от января. Пора одеваться – наше платье сшито по фасону иностранному, данному Петром Первым. Сукно выткано на фабрике, которую завел он; шерсть настрижена с овец, которых развел он. Попадается на глаза книга – Петр Великий ввел в употребление этот шрифт, и сам вырезал буквы. Вы начнете читать ее – этот язык при Петре Первом сделался письменным, литературным, вытеснив прежний, церковный. Приносятся газеты – Петр Великий их начал. Вам нужно купить разные вещи – все оне, от шейного шелкового платка до сапожной подошвы, будут напоминать вам о Петре Великом: одне выписаны им, другие введены им в употребление, улучшены, привезены на его корабле, в его гавань, по его каналу, по его дороге. За обедом от соленых сельдей до виноградного вина, им разведенного, все блюда будут говорить вам о Петре Великом. После обеда вы едете в гости – это ассамблеи Петра Великого. Встречаете там дам, допущенных в мужскую компанию по требованию Петра Великого. Пойдем в университет – первое светское училище учреждено при Петре Великом и т. д.”.

Мысль о реформе того, что так или иначе было уже осуществлено, но на опыте обнаружило множество недостатков, не оставляла Петра Великого до конца его жизни. В последнее время он учредил особую комиссию, на обязанности которой лежало представление проектов всевозможных улучшений по различным отраслям управления и народного хозяйства. Не будучи знаком с сочинениями Крижанича, Преобразователь придерживался его правила, что государству “потребна есть неустанна поправа”. Для непрерывного обновления государства нужны были люди, сведущие в науках и искусствах. Основывая комиссию реформ, Петр Великий стремился в то же время создать постоянный приток свежих сил в ряды правительственных и общественных деятелей путем учреждения училищ и развития светской литературы.

Глава VI. Сотрудники

Петр Великий постоянно нуждался в даровитых и обученных деятелях. В письме к своей жене царь говорит: “Левшою не умею владеть, в одной руке принужден держать шпагу и перо, а помощников сколько, сама знаешь”. Но все же он не был одинок “в трудах державства и войны”. Известные слова Посошкова: “Наш монарх на гору сам десять тянет, а под гору миллионы тянут: то как дело его скоро будет?”, – надо понимать в условном смысле. Во-первых, царь обладал громадным преимуществом перед этой многомиллионной массой – самодержавной властью, которая обеспечивала если не успех, то, по крайней мере, всеобщее признание его предначертаний и нововведений. Во-вторых, как бы сильно ни чувствовался недостаток в способных и энергичных людях, “эпоха преобразования” создана не индивидуальными усилиями, а коллективными трудами множества деятелей, среди которых Петру Великому, конечно, принадлежит первое место, главная роль, как по разнообразию и размаху его деятельности, так и по его государственному положению.

В завоеваниях и реформах Петра принимали участие представители различных профессий, талантов, званий и национальностей. Курбатов, например, ведет с Петром переписку об отмене патриаршества, устройстве школ и немецком платье, о реформах финансовых и вопросах внешней политики. В области народной экономии руководителями царя были Строгановы, Демидовы, Гончаровы, Соловьевы, выдававшиеся предприимчивостью и опытностью в торговле и промышленности. Сотрудники его в духовных делах были ученые малороссы и во главе их Феофан Прокопович. На военном поприще отличились Шереметев, Апраксин, Брюс, Боур, Репнин. Во внешней политике заявили себя князя Куракин, Матвеев, Толстой, Неплюев, Волынский. Многие иностранцы оказали Петру Великому существенные дипломатические услуги, составляли для него проекты реформ, государственных и административных. Остерман, Миних и другие, карьера которых обуславливалась успехами русского оружия и нововведениями, в продолжение многих лет трудились на русской службе и своею преданностью царю и интересам России достигли высших государственных постов. Наконец, лица незнатного происхождения, представители народной массы: Кириллов, Сердюков, Посошков и другие. Многие сподвижники Преобразователя, по справедливому выражению

поэта, были “птенцами гнезда Петрова, его товарищами, сынами”. Сам Петр отыскал их, обучил и воспитывал в своей суровой практической школе и поднял из мрака неизвестности до степеней знатнейших сановников. Особенно посчастливилось Меншикову. Он выдвинулся своею преданностью Петру, сметливостью и исполнительностью. Иностранцы удивлялись дружеским отношениям, существовавшим между царем и его подданным. Денщик, “потешный” солдат, безродный баловень счастья, становится “полудержавным властелином”.

Но, кроме этих сотрудников-исполнителей и помощников, были у Петра и другие сподвижники: сотрудники-учителя и наставники, и не только из иностранцев, но также из тех русских, которые успели непосредственно ознакомиться с европейской цивилизацией и своими стремлениями и идеями во многом предупредили вождя преобразовательного движения в России.

Отношение Петра к прогрессистам достаточно ярко характеризуется его сношениями с русским западником Ф. Салтыковым и знаменитым немецким философом Лейбницем. Федор Степанович Салтыков принадлежал к старинному боярскому роду. В детстве путешествовал он со своим отцом в Сибирь; в 1697 году командирован в числе 60 других стольников за границу для изучения судостроения в Голландии и Англии. 30 июня 1711 года царь отправляет своего ученого корабельного мастера во вторую заграничную командировку для покупки “дешевою ценой” нескольких иностранных судов. Салтыков сначала посетил Копенгаген “для совета с русским послом князем Долгоруким и датским министром”, а затем отправляется в Англию. Объехав главнейшие порты Англии и Ирландии, Салтыков поселяется в Лондоне и наездами, по делам службы, бывает в Амстердаме и Гааге. Живя постоянно за границей, он приобрел широкое знакомство с европейской жизнью и составляет для царя обстоятельные проекты реформ. В архивах сохранилась обширная переписка Салтыкова с Петром, кабинет-секретарем Макаровым, адмиралом Апраксиным и другими сановниками. Он уведомляет царя о своих проектах. Петр отвечает ему письмом, 12 января 1713 года: “Правы, о которых вы писали, что вы выбрали из уставов аглинских и прочих европейских, которые надлежит, кроме республик, пришлите к нам”. Салтыков высылает Петру сперва “*пропозиции*”, первую записку, а затем “*изъявления*, которые, – сообщает он, – могут быть потребны государству и вам прибыточны”. “Российский народ, – говорит Салтыков, – такие же чувства и рассуждения имеет, как и прочие народы, только его довлеет в таких делах управлять”. Записки эти получены были в то время, когда Петр

только что приступил к главнейшим своим реформам, и потому они не могли остаться без влияния. В первой записке составитель предлагает обратить особенное внимание на главу о “всемирном обучении во всяких свободных науках и во всяких художествах”. В ней подробно излагаются сведения о низших, средних и высших училищах, которые необходимо учредить в России; не забывается даже женское образование. Салтыков говорит: “Мы по сему образу сравниваемся в краткое время со всеми лучшими европейскими государствами, а без свободных наук и без добрых рукоделий не может государство стяжать себе умного имени”. В пяти первых главах “пропозиций” подробно излагаются социальные реформы, которые скопированы, главным образом, с английских порядков. Желая сравнить Россию с Западом, Салтыков указывает на множество мероприятий для развития национальной промышленности и внешней торговли. “Купечество есть твердое основание богатства всех народов”; но торговать возможно только тогда, когда есть чем вести торг: необходимо в самой России насадить промышленность. “Если нам заводов пять, шесть стеклянных построить, то мы все их государства стеклянной посудой наполнить можем”; то же и в других производствах. От развития внешней торговли “великое число денег будет соблюдаться в Российском государстве”. Салтыков затрагивает массу самых разнообразных вопросов: о налогах, прямых и косвенных, размежевании земель, устройстве почты, городской и земской, обрусении инородцев и т. д. Предложенные им проекты литературных работ послужили программой для двух сочинений: “Истории Свейской войны” и “Рассуждения о причинах Северной войны”, составленных при близком сотрудничестве Петра.

Предложения Ф. Салтыкова осуществлены частью самим Петром; другие переданы в сенат на обсуждение; наконец, часть проектов исполнена была гораздо позже, в последующие царствования.

Философ Лейбниц ранее других осознал великое значение первого путешествия Петра Великого по Западной Европе. В письмах к разным лицам он указывает на необходимость воспользоваться пребыванием царя за границей для распространения в России цивилизации. Впоследствии он осуждал англичан и голландцев, недостаточно действовавших в этом направлении. Со своей стороны, Лейбниц пользуется первым же случаем, чтобы завязать сношения с царем, и настойчиво добивается аудиенции. Сущность преобразовательной программы Лейбница сводится к следующему. Для России представляет громадную важность “то обстоятельство, что в ней, пользуясь примерами истории развития других стран и народов, можно избежать многих ошибок, сделанных в разных

случаях: дворец, построенный совершенно сызнова, во всяком случае может быть устроен удачнее, чем здание, над которым трудились в продолжение нескольких столетий, постоянно делая перестройки, починки, поправки”. Лейбниц виделся с Петром в Торгау, Карлсбаде, Дрездене и приобрел его искреннюю дружбу. Вебер передает, что впоследствии в Петербурге Петр со свойственной ему живостью часто спрашивал его: “Где теперь Лейбниц? что он делает? где был все это время? думает ли остаться в Ганновере?” Одно время царь с философом путешествовали вместе. Петр, уезжая из Карлсбада, взял с собой Лейбница в Теплиц и хотел увезти его дальше. Тем не менее Петр, с присущим ему тактом, более интересовался научными работами Лейбница, чем его законодательными и политическими проектами, хотя не оставлял также без внимания и последних. Лейбниц предлагал царю учредить особую ученую коллегия: “Если бы его величество, – говорит он, – обнаружил склонность к тому, что некоторые из присутствующих министров могли бы вступить со мною в конференции и обо всем со мною условиться”. Толки о влиянии Лейбница на устройство администрации в России принадлежат к области вымыслов: надежды, что со временем найдутся другие записки Лейбница, – говорит Герье, – которые еще яснее докажут это влияние, “должны считаться несбыточными”. Лейбниц обратился к царю с предложениями: 1) устроить учебную часть; 2) завести в России физические наблюдения; 3) составить свод всех лучших изобретений для осуществления их в России. В черновой записке Лейбница, сохранившейся в Ганноверской библиотеке, упоминается также о счетной машине, изобретенной им, новом снаряде, который мог бы принести громадную пользу в случае войны с Турцией, об улучшении речного судоходства и т. д. В одном письме Лейбниц пишет: “Я имел честь беседовать с царем в Торгау, и его величество изъявил желание приказать производить наблюдения над действием земного магнетизма в обширном своем государстве”. После свидания в Карлсбаде Петр Великий предложил Лейбницу вступить в русскую службу и назначил ему жалованье в 1000 талеров. Лейбниц метил в русские министры, но царь предоставил ему обязанности ученого-корреспондента.

Велики были замыслы Петра, но виды Лейбница простирались еще дальше. Историческая миссия России, по его убеждению, состояла в распространении культуры на Востоке; поэтому следовало бы желать, чтоб Россия покоряла все новые и новые племена в Азии. Но общение с низшими народностями непременно понизило бы умственные и нравственные требования русских и было бы губительным для политически отсталой страны. Петр был истинным представителем своего

народа и более чем кто другой понимал реальные потребности века. Оптимист-философ не увлек практика Петра, утилитариста чистейшей воды. Петр чувствовал, что сил его станет на многое, но не добивался невозможного. Он имел инстинктивный такт и приводил в движение только те силы, которые способны были к развитию. Планы его были не столь обширны, но более осуществимы, и согласовались с интересами русского народа.

Сотрудники и продолжатели Петра в последующие царствования, Неплюев, Татищев и другие, тоже не принадлежали к классу тех исторических деятелей, “непризнанных фанатиков”, которые свои мечты принимают за действительные потребности времени и берутся за бесплодное дело не по своим силам. Правда, они сознавали, что иной раз “небываемое бывает”, как выражался Преобразователь, но, не предрешая наперед будущего, тем не менее, глубоко были убеждены в том, что новые дела рождаются только при совершенно новых комбинациях общественных сил. Так, например, когда Екатерина II предложила Неплюеву указать ей достойного себе преемника, верный преданиям Преобразователя сподвижник сего дал императрице характерный ответ: “Нет, государыня, мы – Петра Великого ученики, проведены им сквозь огонь и воду, иначе воспитывались, иначе мыслили и вели себя, а ныне иначе воспитываются, иначе ведут себя и иначе мыслят, итак я не могу ни за кого, ниже за сына своего, ручаться”.

Другими словами: для каждого времени потребен есть свой муж. Новые государственные деятели выросли и воспитались при совершенно иных общественных и государственных условиях. Другое время, новые птицы, новые песни. Но национальные задачи разрешаются веками. Многие поколения продолжают идти по “следам Петровым”, работают в его духе и направлении, стремятся сблизить Россию с цивилизованной Европой. И в следующем столетии “западничество” служит долгое время лозунгом прогрессивной партии.

Глава VII. Семья и последние годы

Петр женился на Евдокии Лопухиной семнадцати лет, по настоянию своей матери. Молодая супруга нежно любила царя, называла его “своею радостью”, “светом”, “лапушкой” и просила позволить ей сопровождать его во всех путешествиях. Но Петр не имел никакого сердечного влечения к своей первой жене, воспитанной в неподвижных обычаях старины. Частые отлучки из дворца вызвали еще большее охлаждение. Наконец явилась первая серьезная и продолжительная страсть. Князь В. И. Куракин рассказывает: “Лефорт был человек забавный и роскошный или назвать дебошан французский. И непрестанно давал у себя в доме обеды и балы; в его доме первое начало было, что его царское величество начал с дамами иноземными сближаться”. В скором времени и мать, женившая сына на Евдокии, возненавидела за что-то свою невестку, молодую царицу. Тот же князь Куракин передает, что Наталья Кирилловна “желала больше видеть с мужем ее в несогласии, нежели в любви”. Петр часто ночевал в селе Преображенском, во вновь построенном доме при съезжей избе, только изредка наезжая во дворец к матери обедать: “тем первое разлучение с царицей Евдокией началось быть”. Так продолжалось до смерти Натальи Кирилловны, “которая сына своего к разлуке с Евдокией (более) понуждала, нежели унимала”. Петр пристрастился к Анне Монс. Евдокию уговаривали добровольно постричься.

Военная и подвижная жизнь Петра долго не позволяла ему привязаться к одной женщине и устроить себе домашний очаг. У царя было множество любовных приключений. Но предпочтение он отдавал иностранкам за их смелость, веселое кокетство и свободное обращение, которого не знали застенчивые и малоподвижные русские боярыни, привыкшие к затворнической теремной жизни. Памятуя, что насильно мил не будешь, Петр никогда не насиловал волю нравившейся ему женщины, предоставляя полную свободу ее чувству и выбору. Он способен был на рыцарство. К предметам своей любви всегда относился нежно и необыкновенно заботливо. Плейер передает, что в то время, когда Петр работал на верфях в Воронеже, там присутствовали и “женщины-немки”. Когда некоторые из них заболели, царь отложил свой отъезд, пока они все совершенно не поправились.

Перед отправлением царицы в монастырь явилась к ней сестра царя, Наталья Алексеевна, и увезла с собой ее сына, царевича Алексея, которому

шел тогда 9-й год. Петр недолго любил сына от Евдокии; но нельзя было оставлять наследника престола у опальной царицы, заключенной в монастыре.

Царевич Алексей жил в селе Преображенском под присмотром сперва князя Вяземского, а затем немца-воспитателя, который оказался пьяницей и человеком бешеного нрава. Петр вообще мало обращал внимания на воспитание сына царицы Евдокии. Это видно из того, что наставника-немца прогнали только через три года “за непотребства и омерзительные поступки”. Его заменили новым учителем Гюйсенем, оказавшимся более добросовестным и ученым. В 1703 году Петр вызвал сына в полк, назначив его солдатом; но Гюйсен не был отставлен и, по возвращении царевича из Нарвы, продолжал с ним заниматься; он дает самые лестные отзывы о своем ученике, называет его разумным не по летам. Но, к сожалению, на Алексея оказывали влияние тетки, дочери царя Алексея, старые девы, постоянно окруженные попами, ханжами и старцами. Эти люди настойчиво внушали царевичу любовь к старине и ненависть к делам отца, ко всем его нововведениям. Между стрельцами прошли слухи, что царевич не любит немцев. Повсюду говорили: “Плачут царские семена, жалуются царевны, что их голодом морят; плачет и тоскует царевич”. Но он говорит им: “Дай срок, я их подберу!” Раз сжег платье на немчине и его опалил. Он на Москве гуляет с донскими казаками. И как увидит которого боярина, и мигнет казакам, – и казаки, ухватив того боярина за руки и за ноги, бросают в ров”.

Меншиков, со своей стороны, подготовил разрыв царевича с отцом. Впоследствии Алексей жаловался, что Меншиков сумел дать ему свободу, но не заставлял учиться, и окружил его всяким сбродом, пьяницами и глупыми людьми. Петр всегда относился к Алексею сурово и требовательно. После взятия Нарвы отец говорит сыну: “Ты должен убедиться, что мало радости получишь, если не будешь следовать моему примеру, и если мои советы разнесет ветер и ты не захочешь делать того, что я желаю, я не признаю тебя сыном, я буду молить Бога, чтоб он наказал тебя и в сей, и в будущей жизни”. В январе 1709 года царевич повел из Москвы пять собранных им полков на Украину и представил их своему отцу в Сумах. В Воронеже он присутствует при спуске двух кораблей; в Москве надзирает над укреплением Кремля, набирает рекрутов, заседает в канцеляриях министров. Петр собственноручным письмом извещает Алексея о Полтавской победе; царевич отвечает отцу поздравлением и уведомляет его о всеобщем ликовании в Москве. Наконец, по настоянию царя, Алексей вступает в брак с австрийской принцессой Шарлоттой. До

сих пор Петр признает Алексея законным наследником престола. Но вот умирает от родов кронпринцесса; в самый день ее похорон царь пишет Алексею угрожающее письмо, которое оканчивается словами: “лучше будь чужой добрый, нежели свой непокорный”. Затем следует ряд писем в таком же тоне. Когда жена царя Екатерина родила сына-царевича, придворные стали говорить Алексею, что ему теперь несдобровать. Он решается предупредить отца и твердо, но почтительно заявляет Петру, что соглашается на “лишение наследия короны”, и, “вручая детей на волю” его, просит себе только пропитания до смерти. Но Петр еще не отвергал Алексея; его поспешное решение привело царя в гнев. Царевич стоит на своем: “желаю и прошу монашеского чина”. “Одумайся, не спеши, – отвечает Петр, – подожди еще с полгода”. Но Алексей только для виду хочет постричься: он тайно дает духовнику записку, что идет в монастырь “по принуждению”. А Петру приближенные говорят: “Ведь клобук не прибить к голове гвоздем”. Прошло полгода. Царь пишет сыну из Копенгагена: “Понеже когда прощался я с тобой и спрашивал тебя о резолюции твоей на известное дело, на что ты всегда одно говорил, что к наследству быть не можешь за слабостию своею и что в монастырь удобнее желаешь; ено я тогда тебе говорил, чтоб еще ты подумал о том гораздо и писал ко мне, какую возьмешь резолюцию~ И буде первое возьмешь, то более недели не мешкай, поезжай сюда, ибо еще можешь к действиям поспеть. Буде же другое возьмешь, то отпиши куцы, и в которое время и день (дабы я покой имел в моей совести, чего от тебя ожидать могу)”. Но Алексей продолжал лукавить. Он едет за границу, но не к отцу, а “к Цесарю или в Рим”, чтобы укрыться от преследования Петра, и берет с собою свою любовницу Афросинью. Не доезжая до Либавы, Алексей повстречался с теткой Марьей Алексеевной, возвращавшейся с карлсбадских вод, и говорит ей: “Уж я себя чуть знаю от горести, я бы рад куды укрыться”. Царевна отвечает: “Куда тебе от отца уйти? везде тебя найдут”. Алексей поехал в Вену. Императорское правительство старалось держать в тайне его местопребывание и отправляло царевича из одного замка в другой, наконец, в Сент-Эльмо, близ Неаполя. За ним следили ловкие сыщики царя, Толстой и Румянцев. Они получили доступ в Сент-Эльмо и убедили Алексея вернуться с ними обратно в Россию.

На другой день по возвращении царевича в село Преображенское Петр собрал тайный совет, на котором постановили приступить к розыску по делу царевича Алексея Петровича. В аудиенц-зале собрались министры, сановники и духовенство. Алексей упал к ногам отца и просил со слезами прощения. Петр обещал ему милость, если он откроет, кто способствовал

его бегству, и откажется от престолонаследия. Алексей рассказал отцу о своих сообщниках. Затем все отправились в Успенский собор, где Алексей произнес свое отречение. Из собора его отправили, как арестанта, под строгим караулом в село Преображенское. В тот же день объявлен был наследником Петр Петрович, сын от царской жены Екатерины Алексеевны.

В Преображенском начался розыск: допросы, очные ставки, пытки и казни. Царь с остальными жертвами уехал для новых розысков в Петербург. Алексей и его сообщники посажены в Петропавловскую крепость. Всю неделю Петр молился на коленях, обливаясь слезами и прося Бога внушить ему решение, “согласное с его честью и с благом народа”. В тот же день – 24 июня – он передал дело свое с сыном светскому суду из 127 лиц; суд приговаривает царевича единогласно к смерти. В его приговоре сказано, что Алексей “намерен был овладеть престолом через бунтовщиков, цесарское вмешательство, иноземное войско с разорением всего государства”. Царь в рескриптах сообщает о кончине своего сына: “Бог пресек сына нашего Алексея живот, по приключившейся ему жестокой болезни, которая в начале была подобна апоплексии”. Ломброзо говорит: “Сын Петра Великого был пьяница и маниак” (Ломброзо. Гениальность и помешательство, С.71). В 1719 году Петр лишился и последнего наследника престола.

Вторая супруга Петра, урожденная Марта Скавронская, была дочь ливонского обывателя из местечка Вышки-озеро. Она жила в услужении в семействе ученого пастора Глюка в Мариенбурге; когда этот город – 24 августа 1702 года – сдался русским на капитуляцию, Шереметев передал Марту жене полковника Балка. От него она перешла в дом Меншикова. Петр во дворе своего любимца обратил внимание на его служанку и пожелал взять ее к себе. Марта переименовала свое имя на Екатерину; она достаточно освоилась с русским языком и приняла православие. Восприемником был царевич Алексей. Екатерина сумела привязать к себе сердце Петра веселым нравом и своей безропотной покорностью. Они сошлись характером и привычками к простой и трудовой жизни. Петр не любил роскоши, не терпел пышности и церемониала. Великолепие он предоставлял своим любимцам: Лефорту, а после смерти его – Меншикову. Когда жил в Петербурге, царь обедал обыкновенно дома, в своей семье. Стол его был не изысканный, самый простой. “Некогда случилось мне, – говорит Ланг в своем дневнике, – быть у двора в праздничный день, в такое время, когда царь возвращался из церкви, последуем своими министрами, офицерами и многими знатными особами. Стол его тогда состоял из шестнадцати приборов. Коль скоро подали кушанье, то и сел он с

императрицей; потом обратился к собранию: “Господа! – сказал, – извольте садиться, кому достанет место, а прочие пусть едут обедать со своими женами”. Царь предпочитал русские блюда: студень, рюмка анисовой, тарелка щей, ветчина, каша, жареная утка в кислом соусе, редис, лимбургский сыр, вина мозельские и венгерские. Горячие кушанья повар передавал прямо из печки одно за другим через окошко, сделанное в столовую. Обыкновенно один дежурный денщик прислуживал всему семейству. Петр не выносил многочисленной прислуги, лакеев называл “шпионами, которые худо слышат, а еще хуже пересказывают услышанное”. Екатерина как нельзя более соответствовала привычкам Петра. Она не ревновала его, когда он сходил с другими женщинами, но с летами прекратились любовные увлечения. Екатерина осталась единственной сердечной его привязанностью; только с нею одною Петр испытал семейное счастье, узнал, что такое домашний уют. Она была с ним неразлучна; делила его радости, печали и восторги; вместе участвовали они в Прутском походе; она сопровождала его во втором путешествии по Германии, Дании и Голландии. В 1722 году государь со своей супругой предпринимал поход в Персию, на этот раз необычайно удачный: Дербент, Баку и другие города сдавались почти без сопротивления; армяне и грузины массами переходили на сторону русских. Возвратясь из похода, Петр задумал короновать свою супругу. В изданном по этому случаю манифесте говорится, что Екатерина постоянно принимала деятельное участие в государственных делах и оказала какие-то особенно важные услуги русскому войску в Прутском походе. Коронавание происходило в Москве, остававшейся в глазах русского народа первопрестольным городом. Торжество совершилось 7 мая 1724 года. Несколько дней угощали и поили народ, устраивали при дворе балы, пиры и маскарады. Коронавание Екатерины породило предположение, что Петр Великий намерен оставить после себя престол ей или одной из ее дочерей.

После коронавания императрицы государь устраивает в Петербурге обручение своей дочери Анны с голштинским принцем; за обручением следуют многочисленные пиры и торжества. Петру шел пятьдесят третий год. Но железная организация преодолевала и “несносные труды”, и бурную невозддержанную жизнь. Теперь силы его стали заметно падать. После последнего пиршества царь пролежал неделю в постели. Едва оправившись, он уехал в Шлиссельбург и устроил новый пир по поводу празднования годовщины Шлиссельбургской крепости. Затем он в Олонце выковал полосу железа в три пуда и отправился в Новгород. В Старой Руссе осмотрел соляное производство, проехал по Ладожскому каналу и

возвратился в Петербург. Но в конце октября плывет в Систербек осмотреть Сестрорецкие заводы. Недалеко от Пахты разбило непогодю военное судно. Петр приказывает плыть на помощь утопающим; стоя по грудь в воде, он проработал всю ночь и спас жизнь двадцати матросам и солдатам. Но наутро государь почувствовал утомление и сильный озноб и поплыл обратно в Петербург. Здесь ожидало его неприятное открытие. Петр нашел повод приревновать жену, но не выразил ясно своего подозрения. По его приказанию, доверенный государыни был арестован начальником тайной канцелярии. “И ты здесь!” – с презрением сказал Петр, встретясь с ним в квартире Ушакова, и бросил на него такой огненный взгляд, что тот быстро ослабел и лишился чувств. После допроса суд обвинил его в утайке оброков с вотчины государыни и приговорил к смертной казни. Тогда же наказали батогами и ссылкой остроумца Балакирева за то, что он, “отбывши инженерного учения”, втерся во дворец и занимался шутовством, а не делом. Императрица просила о помиловании, но Петр пришел в такую ярость, что разбил перед нею дорогое зеркало: “Видишь ли: вот прекрасное украшение моего дворца. Хочу и уничтожу его”. Екатерина поняла и ласково спросила: “Разве от этого твой дворец станет лучше?” Государь прокатил ее в коляске мимо того столба, на котором была посажена голова казненного. Государыня без смущения посмотрела прямо в глаза Петру и сказала сдержанно: “Как грустно, что у придворных столько испорченности”. Оказалось вскоре, что обманывали государя даже наиболее близкие к нему сановники: кабинет-секретарь Макаров и Меншиков. Петр не пощадил и Меншикова; несмотря на просьбы Екатерины, отдалил его от себя и лишил должности президента военной коллегии. Здоровье Петра с каждым днем ухудшалось; характер его изменился; он становился сумрачнее, замыкался в себя, отдалялся от общества; каменная болезнь подтачивала его организм; пользовал царя доктор Блюментрост; но тогда еще не знали приемов лечения этой мучительной болезни. Государь с трудом занимался делами. Новый 1725 год он встретил полубольным. До 16 января еще перемогался, но затем совсем слег в постель. Придворные ожидали от него особых распоряжений. По манифесту о престолонаследии царствующему государю предоставлялось назначить себе кого угодно преемником. Но император не высказывал своих намерений. Жестокие боли усиливались. Стонам Петра Великого отвечали вопли народа, днем и ночью не отходившего от дворца. Семья и вельможи с рыданием толпились вокруг царской постели в мистическом ужасе. У Петра, среди невыносимых страданий, достало силы сказать им полное иронии поучение: “Из меня познайте, какое бедное

животное есть человек!” Он подписал манифест, освобождавший всех заключенных, не исключая каторжников, кроме обвиненных в убийстве и по первым двум пунктам. Исповедовался и причастился святых тайн. Императрица выпросила прощение Меншикову. 27 января Петр пожелал изложить свое завещание о престолонаследии. Но написал только два слова: “Отдайте все”. Пришедшая на зов отца молодая цесаревна Анна прочла эти последние слова Петровы. В день своего обручения Анна Петровна отказалась за себя и за свое потомство от всех притязаний на русский престол, но именно ее потомству суждено было утвердиться на престоле русских государей. Император скончался на следующие сутки, после мучительной агонии, в четвертом часу пополуночи.

Как ни тяжело было царствование Петра Великого своими поборами и наборами, но народ понимал, что теряет в нем своего национального героя; кончину его с одинаковою скорбью оплакивали как созданный им Петербург, так и первопрестольная Москва, но в особенности новые люди, его “товарищи, сыны”, представители новых учреждений, вызванных к жизни творческою волею Петра Великого, его беззаветным служением благу народа и пользе государства. Но за границей кончина Петра Великого произвела совершенно обратное впечатление. Политическое могущество России поддерживалось, в значительной мере, личными трудами великого государя; предполагали, что перемена на русском престоле отразится на внешних отношениях. В Стокгольме не скрывали радости: “Двор сильно надеялся, – пишет русский резидент, – что от такого внезапного случая в России произойдет великое замешательство и все дела ниспровергнутся”. В Копенгагене то же известие вызвало необычайное оживление: “Из первых при дворе, яко генерально и все подлые, в радости опились было”, – сообщает нагл резидент. Только прусский король сердечно опечалился кончиною своего “дражайшего друга”, как он называл русского императора.

Но приобретения и реформы Петра Великого оказались настолько существенны и прочны, что, несмотря на смуты в России, ее политическое могущество не пошатнулось. Через своих дипломатов император оказывал влияние на общий ход европейской политики; в особенности сильно было его вмешательство во внутренние дела Польши: выбор польского короля не обходился без участия России и Пруссии. Между обоими государствами было полное согласие в политических действиях. Австрия поддавалась внушениям Англии, указавшей на опасность преобладания России. Дания неохотно признавала военное господство русских. Петрово правительство вмешивалось также во внутреннюю жизнь Швеции, покровительствуя конституционному началу, ограничивающему королевскую власть. В

последние годы Петр Великий поддерживал сношения с претендентом на английский престол, надеялся на многие выгоды от торговли с Испанией и пытался привлечь ее в свой союз против Англии. Завоеванные при Петре Великом земли вошли в вечные владения России. Ее культурное и политическое значение продолжало расти и развиваться; в последующие царствования Россия приобрела еще более прочное, еще более почетное положение в системе европейских государств.

Глава VIII. Личность

“Вся частная жизнь Петра, вся его государственная деятельность есть первая фаза осуществления начала личности в русской истории”. В эту формулу Кавелина господином Михайловским внесены существенные ограничения и дополнения. Петр пробудил русского человека, разбил на нем оковы, наложенные природой и непосредственностью. Разорвав путы кровного родства, он освободился от определений узконациональных. Но освобожденная личность не была выпущена в “бездушное пространство”, не стала “безусловным мерилем всего”. Для нее поставлена цель – служение народу, и границы – интересы государства. Сословные привилегии признаны не безусловными, а только временной мерой. Не щадится даже идея частной собственности, когда того требует общественная необходимость. В указе об учреждении берг-коллегии Петр Великий дарует всем и каждому право производить горные и металлургические работы безразлично на своих или чужих землях: “дабы Божее благословение под землею втуне не оставалось”. Сам государь служил не интересам династии, а нуждам трудящегося люда. После Петра пути России и Европы соединяются. Для всех народов, несмотря на расовые и национальные различия, устанавливается одна общая цель: “безусловное признание достоинства человека, лица и всестороннего его развития”. Петр Великий беззаветно служил интересам и идеалам русского народа, не современных и подвластных ему людей, а того народа, которому он готовил великую историческую будущность.

Всесторонность и гармоничность – основные черты его личности. Но, “говоря о Петре, – замечает Белинский, – многие видят в нем больше реформатора и забывают колоссально нравственный и религиозный дух, которого вся жизнь была страстным служением идее. А пафос к идее есть живой источник, из которого не могут не вытекать живые результаты. Если бы Петр был только необыкновенно умный человек, только политический, а не религиозно-нравственный действитель, его реформа не имела бы таких великих действий. Нужно религиозно-нравственное начало, составлявшее основу его духа, в соединении с исполинской гениальностью, – вот что оплодотворило и оживило реформу Петра, дало ей силу, прочность и жизненность”. Одного рационалистического убеждения было мало. Внутренний огонь поддерживал его непоколебимую уверенность в себе, в правоте своего дела, в творческие силы русского народа. Глубокая

вера и наивный инстинкт видны во всех проявлениях его души, в полной движения своеобразной жизни, в политической и государственной преобразовательной деятельности.

Свои “задушевные идеи” Петр Великий распространял не одними указами, не только повелениями, но и личным примером, “неустанным” трудом. В детстве деятельная жизнь для здорового, сильного организма – потребность и наслаждение. Играючи и забавляясь, без всякого принуждения, Петр принимается за изучение ремесел и военного искусства, исполняет “свою охоту”. Впоследствии труд становится для него нравственным долгом, равно обязательным для всех, не исключая сана и происхождения. “Трудиться надобно, – говорил он возвратившимся из заграничного учения молодым дворянам: я – царь ваш, но у меня на руках мозоли, а все для того, чтобы показать вам пример и хоть бы под старость увидеть мне достойных из вас помощников и слуг отечества”. Сам он был мастером четырнадцати ремесел. Даже в последние годы жизни Петр не оставляет механического труда. В каждом из его дворцов устроена особая комната с токарным станком, которую он называл местом отдыха. Он дорожил временем и не тратил его на бесполезные забавы. Трудолюбие его изумительно. Царь обыкновенно вставал в 4-5 часов и назначал приемную аудиенцию ранним утром. Он не любил многословия. Слог писем и указов краткий, энергичный и своеобразный: несмотря на изобилие иностранных слов и книжных оборотов, производит впечатление живого разговора. Частная жизнь его представляла образец строжайшей умеренности. Простота обращения, одежды и экипажа общеизвестна. “У него не было ни камергеров, ни камер-юнкеров, ни пажей, ни драгоценной посуды”. Ордена надевал на себя только в праздничные и церемониальные дни. Когда в день коронации императрица поднесла ему свою работу: роскошный кафтан, шитый серебром, Петр встряхнул его, отчего несколько блесков осыпалось на пол. “Смотри, – сказал он государыне, – слуга сметет это вместе с сором, а ведь здесь с лишком дневное жалованье солдата”. Бюджет двора государя не превышал шестидесяти тысяч рублей в год. Петр говорил, что в жалованье своем волен, но с народа собранные деньги должен употребить на государство: в них обязан дать отчет самому Богу.

Историки и психологи много обращали внимания на одну замечательную черту в своеобразной личности Петра: “самодержавный повелитель миллионов, он, по особенным ли потребностям своей гениальной природы, или по глубоко обдуманному плану, соединяет с царским саном характер частного лица: передает почести и роль государя подданному, а сам становится в ряды не только простых граждан, но и

работников”. Всесторонность его личности и, так сказать, универсальность в значительной мере объясняется условиями среды и характером эпохи. В конце XVII века русская жизнь была поистине взбаламученным морем. Устои придворной жизни разрушены. Опальный царь ушел из дворца на улицу, с вершин общества спустился до самого его дна, окунулся в слободскую жизнь иноземных поселенцев. Условия воспитания совершенно исключительные. Ни одному русскому человеку не было доступно такое разнообразие в отношениях и обстановке. Сословные различия, религиозная распря между своими и чужими, национальная вражда, понятия, нравы и обычаи разных слоев общества; сопоставление русского с иноземным, искусство иностранцев, их приемы общежития, высшая культура и т. д. – все это проходило перед глазами молодого Петра. Разнородная среда давала ему множество импульсов самостоятельности. Постоянное живое общение с людьми всевозможных профессий, достатков, чинов выработало убеждение, что трудящийся человек во всех положениях может принести пользу своему народу; в этом отношении он не делает различия между министром, сановником, техником, простым рабочим, монархом и последним солдатом, готовым самоотверженно постоять за свое отечество. Воспитанный непосредственной жизнью, Петр является эмпириком и утилитаристом чистейшей воды. То, что вначале делалось в силу необходимости или потому, что он находился “в чину учимых”, то впоследствии обращается в привычку, исполняется как веление “совести”, стало сознательным преследованием государственной пользы. Впрочем, переходя в положение подчиненного, Петр никогда не передавал своему подданному прав самодержавия, но только внешние его атрибуты. Факт не беспримерный в русской истории. То же проделывал и Иоанн IV. Но у Грозного была только психопатическая комедия, полная острого драматизма. У Петра подобное превращение являлось государственным актом, вызванным просветительными целями, военными действиями и политическими условиями. Устанавливались отношения не подданного к абсолютной власти, а совсем другие, необычайные для русской национальности. Петра возможно бы назвать *le premier citoyen russe*^[6], когда он предпочитал положение полноправного гражданина положению монарха. По свидетельству Нартова, после посещения английского парламента царь заметил: “Весело слышать, когда сыны отечества королю говорят явно правду: сему-то у англичан учиться должно”. В России ничего подобного нельзя было ни слышать, ни видеть. Петр не доверял установившимся отношениям между подданными и властью; он знал, что под внешним благочинием скрываются ложь, лукавство, подострастие,

предательство и корыстолюбие. Царь искал правды в своих подданных. Даже действия сената он подчинил публичному суду (указ 2 марта 1711 г.).

Утверждают, что Петр – более завоеватель, чем преобразователь. Но отношения его к войне, даже в молодости, показывают, что то, что ставится ему в вину, вызвано было необходимостью национальной самозащиты. Материальные и политические выгоды для него стояли выше успехов военного оружия; он никогда не увлекался до самозабвения пылом сражения и торжеством победы. Для него война не цель, а средство, народное бедствие временное, но необходимое для благосостояния народа и национального развития. Он не принадлежал к тем завоевателям, которых Вольтер справедливо окрестил позорным именем “великие разбойники”. Царь и его сподвижник Остерман подсмеивались над шведским королем, который очень любил подраться и вне войны не знал героизма. Петр не походил на славолюбца-завоевателя. Завоевания его были необходимы для создания в России возможности европейской цивилизации.

Русского преобразователя называют предшественником Фридриха II, первым “просвещенным деспотом”. Для него этого мало. В монархической власти он видел средство для развития богатства и просвещения родной страны. В решительные моменты жизни Петр отождествлял абсолютную власть с индивидуальной, нравственной волей. Так, перед Полтавской битвой царь ободряет своих воинов: “Вы сражаетесь не за Петра, а за государство, Петру врученное~ а о Петре ведайте, что ему жизнь не дорога, только бы жила Россия, слава, честь и благосостояние ее”. Может быть, эти слова не принадлежат лично ему, но то же самое он мог и должен был сказать. Самодержавие для Петра – орудие могущественное и провиденциальное: он сознательно готовил для своего народа лучшие условия и формы национальной жизни.

Преобразователя винят в подражательности, в преклонении перед Западом. Но для России нужны были наука, искусство и техника, которые возможно было заимствовать только с Запада. Царь не ставит своих подданных в унижительные отношения к иностранцам. Напротив, все действия и мероприятия Петровы направлены к тому, чтобы по возможности скорее уничтожить эту зависимость, убыточную для народа и государства. Молодые русские отправлялись в многочисленные командировки за границу, чтобы, вернувшись вполне выученными и подготовленными, заменить иностранцев в России. Петр говорил: “Нам нужна Европа на лет двадцать, тридцать, а затем мы можем обойтись и без нее”. Перенималось от иностранцев только то, что недоставало русским и что для них признавалось полезным. Когда в Берлинской академии был

поднят вопрос о влиянии на Петра, Лейбниц справедливо заметил: “Академии нечего учить царя, что ему делать; в этом он не нуждается”. Петра обвиняют также в “самовластии”, в том, что в своих преобразованиях он употребляет принуждение, слишком крутые меры, насилует волю большинства. Но иначе и не могло быть в то время и в той среде, в которой он жил и действовал. Московский народ не проявлял инициативы, называл себя царскими холопами, сиротами, гулящими людьми и всего ожидал для себя только от царя и правительства. Субъективная воля монарха отождествлялась с самодержавной властью. Не один Петр, все так думали, что указами и повелениями можно создать общее благополучие, процветание промышленности и торговли, просвещенное и могущественное государство. Это убеждение проводилось во всех проектах реформ, составляемых для царя русскими и иностранцами. Лейбниц дал ему философское обоснование в своем учении о монадах, одушевленных атомах, представлявшем “глубоко задуманную попытку примирения индивидуализма с объединяющим взглядом на всю совокупность мировых явлений”. Между нравственностью и правом не проводилось резкой границы. Для основания права Лейбниц не довольствуется идеей человеческого общения, но восходит до понятия всемирной гармонии. Мудрая монаршая воля получает объективное основание и провиденциальное значение. Такова была сущность господствующих политических идей. Они оправдывались примерами западноевропейских государств. Во Франции – полный расцвет деспотизма; в Германии – всеуравливающая, всегладящая бюрократия. Своею державною властью Петр внес в русскую жизнь зачатки самоуправления и коллегиальности. Но он не мог создать в России “крепких самостоятельных сословий”, когда еще не проявлялось ни малейшей общественной инициативы; не мог созывать и земских соборов, этих совещательных собраний московских царей, когда неотложны были решительные и коренные реформы государства ввиду настоятельных требований войны и политических событий.

Петр стоял выше понятий своего народа и был передовым человеком в современной ему Европе. Лейбниц, после беседы с царем, пораженный быстротой его соображения и обширными сведениями, пишет приятелю: “Умственные способности этого великого государя громадны”. Мысль для Петра не самоуслаждение, а производительная сила, от которой должно ожидать дела, практических результатов. Не получив систематического образования, царь не пропускал ни одного случая, чтобы расширить свои познания, и становится ученым мужем в своем государстве. “Откуда же

он получил такую мудрость? – спрашивает Феофан в слове о Петре Великом, – академиями его были города и страны, учителями – послы при его дворе, иностранные государи, принцы, правители, министры; где бы он ни был, ничего не оставлял без внимания, без исследования”. Петр Великий, один из первых русских, понял систему Коперника и стал ее ревностным распространителем в своем отечестве. Обладая независимым и ясным умом, он ищет лучших людей во всех областях знания и политики, вступает в непосредственное сношение с вершинами европейской цивилизации. Сохранилось, например, его собственноручное письмо к Ло, когда знаменитый экономист, преследуемый проклятиями и презрением, искал себе убежища в Венеции. Виновниками бедствия Франции царь справедливо признает не опального экономиста, а короля и регента; он зовет Ло в Россию, предлагает ему чины, высокое поприще для его деятельности и титул князя Астраханского. Выучившись некоторым иностранным языкам, Петр находит время на чтение книг исторических и технических. После обеда он обыкновенно читал голландские газеты, делая отметки карандашом для “С.-Петербургских ведомостей”. Деятельно занимается выборкою книг для переводов; редактирует учебники, руководит составлением географических карт и описанием различных местностей, принимает участие в типографском и издательском деле. Указы и законодательные акты эпохи преобразования – большей частью труды самого царя или составлены под его непосредственным руководством.

Но, не получив в детстве правильного воспитания, Петр не умел сдерживать своего темперамента, не умел управлять своими страстями. “Это был человек хороший и вместе очень дурной, – отзывалась о нем принцесса Ганноверская София, – в нравственном отношении он был полный представитель своей страны”. Увеселения царя нередко переходили в грубый и циничный разгул. Невоздержанный в гневе, он имел болезненное расположение к созерцанию пыток и казней, был жесток, коварен и неразборчив в средствах на войне и в борьбе с внутренними врагами. Но современник Нартов оправдывает его: “Если бы когда-нибудь случилось философу разобрать архив тайных дел его (Петра), вострепетал бы от ужаса, что соделывалось против сего монарха. Мы, бывшие сего великого государя слуги, вздыхаем и проливаем слезы, слыша иногда упреки жестокосердию его, которого в нем не было. Когда бы многие знали, что претерпевал, что сносил и какими он уязвлен горестями, то ужаснулись бы, колико снисходил он слабостям человеческим и прощал преступления, не заслуживающие милосердия”. Темные стороны характера Петра объясняются частью болезненным расположением его нервной

организации, частью общим низким уровнем нравственности той эпохи.

Петр отличался необыкновенно общительным нравом и свободным обращением с людьми. Сохранилось много анекдотов, как царь ходил пешком в гости к своим подданным, не разбирая звания и состояния: к вельможам, купцам, ремесленникам; плясал на свадьбах, угощался на крестинах, пировал на именинах, запросто толковал с хозяином, шутил с женою, играл с детьми или вел назидательные разговоры с гостями, причем любил изъясняться аллегориями, был весьма приятен в обществе. Многими его подданными вспоминается при этом, со слезами умиления, знаменитая царская “дубинка”. Не менее известно также, что темпераментом царь обладал горячим, пылким и скоро воспалялся гневом. “О Боже! – восклицал царь с сердцем, когда виновный оказывался правым, – будучи в состоянии исправить народ мой, не в состоянии нахожусь исправить самого себя!” И, раскаявшись, щедро награждал потерпевшего от его горячности. Он любил, когда ему говорили безбоязненно правду, хотя бы она была неприятна. “Князь Яков в сенате, – отзывался Петр о Долгоруком, – прямой помощник. Он сидит дельно и мне не потекает; без краснобайства режет прямо правду, не смотря на лицо”.

Понятие о свободе совести не было тогда выработано, но здравый практический смысл возмущался фанатическими преследованиями за религиозные убеждения и формы исповедания. Про раскольников Петр говорил: “Если они честные, работающие люди, то пусть веруют во что хотят; если их нельзя обратить рассудком, то, конечно, не пособит ни огонь, ни меч; а мученикам за глупость быть – ни они той чести не достойны, ни стране прибыли от того не будет”. Но, с другой стороны, первый труженик среди народа, неутомимый, вечный работник, до конца своей жизни относился к монахам неблагосклонно, предъявлял к ним утилитарные требования и в указах трактовал о религиозных заблуждениях и порче монастырских нравов: “Прилежат ли (монахи) разумению Божественного писания и учения? Всячески нет. А что говорят: молятся, так все молятся, сию отговорку отвергает Василий Святой. Что же прибыль обществу от сего? Воистину токмо старая пословица: ни Богу, ни людям, понеже большая часть бегут от податей и от лености, дабы даром хлеб есть”. За год до его кончины издан указ, назначающий монастырям благотворительные обязанности: устройство пристанищ для подкидываемых младенцев, престарелых, больных и увечных и учреждение школ для малолетних. Стоя близко к простому народу, водя знакомство с плотниками и матросами, Петр не мог не порицать резких проявлений крепостничества, в особенности продажу людей “в рознь, как скотов, чего во всем свете не

водится”, и постановил не разлучать насильственно членов семейства, “отчего немалый вопль бывает”. По окончании войны Петр Великий собирался облегчить положение народа изменением системы тягла и более справедливым распределением податей.

Подведем итоги.

Русский человек по преимуществу, со всеми его достоинствами, страстями и недостатками, Петр Великий всею душою любил и уважал иностранцев за их предприимчивость, энергию и благородное соревнование в искусстве и науках. За границей он сходилась более с трудящимся людом, представителями промышленности и знания, чем с царедворцами и аристократами, которые возмущались его грубым нравом и влечениями к трудовой жизни. Весьма знаменательный в психологическом отношении факт, что супругою царя становится женщина из простого народа и иностранка по происхождению. В его своеобразной личности могли совмещаться такие крайности, как деспотизм самодержца, демократические привычки и стремление к бесконечному самоусовершенствованию. Для Петра непонятна была война, когда она вела к отчуждению народностей, а не ко всеобщему преуспеванию. Обучая свой народ “воинским и гражданским наукам”, царь утешал себя в “неусыпных трудах” такую возвышенную мыслью, что в лице русских он создает для человечества новых двигателей образованности, “которых не знал еще свет”. В русской истории Петр Великий является типичным представителем трудового и космополитического начала, тождественного и неразрывного с идеей развития культуры и цивилизации. Целостность и разносторонность – характерные черты его индивидуального развития. Как нравственный деятель, он представляет собою величественную историческую картину, полную жизни и движения:

*Самодержавною рукой
Он смело сеял просвещение.
Не презирал страны родной:
Он знал ее предназначенье.
То академик, то герой,
То мореплаватель, то плотник,
Он всеобъемлющей душой
На троне вечный был работник.*

Такая всесторонняя деятельность и громадный труд возможны только

при могучей организации. Петр напоминает собою тех сказочных богатырей, о которых в русской песне поется: “Сила-то по жилочкам так живчиком и переливается, грузно от силушки, как от тяжелого беремени”. Но величавая фигура Преобразователя, пропорционально сложенная, не подавляла своими размерами. От полного, смуглого, точно изваянного лица веяло спокойствием и глубокой сознательностью. Быстрый, пронзительный, немного презрительный взгляд, крупный массивный лоб останавливали на себе внимание наблюдателя. Глаза большие, черные, “то величаво приветливые и радушные, то огненные и даже свирепые, они всегда выражали твердость и решительность”. Голос он имел звучный, громкий, произношение чистое, сановитое. Закинутая назад грива черных кудрявых волос придавала лицу вдохновенное выражение, несколько смягчавшее воинственный вид, быстроту и порывистость его движений. Наиболее схожий портрет Петра Великого сделан голландцем Моором в 1717 году в Гааге; замечательный по мастерству – принадлежит кисти Когравака. Полным собранием его изображений, во всех возрастах и разных костюмах, увешаны стены двух зал в Императорской публичной библиотеке.

Петр Великий представляет совершенно своеобразную личность не только в истории России, но и в истории всего человечества. Ему много помогло в преобразованиях самодержавие; но его частная жизнь, его личность несомненно отмечены печатью гениальности, а следовательно, оригинальны. Сущность натуры Петра, – говорит Костомаров, – всего лучше выясняется, если сопоставить с ним вечно резонирующего и нерешительного Гамлета. В Петре не гений художника, понимающий смысл человеческой натуры, а сама натура создала обратный тип человека с неудержимой и неутомимой волею, у которого всякая мысль тотчас обращалась в дело. “Я так хочу, потому что так считаю хорошим, а чего я хочу, то непременно должно быть” – таков девиз всей жизни этого человека. Когда говорят об “эпохе преобразования”, в воображении потомства встает монументальная фигура Петра Великого среди обломков московской старины. Москва, восприняв элементы культуры и прогресса, создала техника Peter'a и императора Петра I. В них преобразился царь московский. Исторический процесс сочетал самодержавную власть, наследованную от предков, с потребностью обновления, вызванной экономическим и политическим ростом России.

Глава IX. Взгляд на реформу

Государственный бюджет достигал в конце царствования Петра до 8 с половиной миллионов. Новый подушный оклад заменил старые подати: табельные, повсегодные и запросные, и дал значительный против прежнего излишек (2,8 млн.); 3/4 государственных средств расходовались на содержание военного ведомства, сухопутного (4,6 млн.) и флота (1,4 млн.). Из остальной же четверти покрывались расходы на дипломатию, администрацию, двор, общественные постройки и прочее. Должно заметить, что подушная подать установлена была, когда казенные издержки выросли из рамок табели; все свободные средства центральных и местных касс были израсходованы на покрытие содержания армии и флота, и старые способы увеличения государственных доходов оказались недействительными перед грозным фактом истощения платежных средств и уменьшения коренного населения России.

Чрезмерный рост расходов на военные надобности и тяжесть податного обложения – таковы главнейшие черты государственного хозяйства при Петре Великом; к ним присоединяются существенные недостатки административно-финансовой организации. Деление России на военные округа вызывалось финансовым кризисом и отчасти подражанием шведской системе. Расквартирование армии по губерниям подвергло население многим неприятностям солдатского постоя. Передача казенных сборов и расходов в местные кассы лишала приказное управление некоторых функций и прежних материальных средств. Негубернские поступления стало ведать новое учреждение, сенат. С падением приказов явилась необходимость в центрально-административной системе. Перемена столиц облегчила реформу, а соседство со Швецией указало для нее образцы. Но коллегии и провинции на практике столкнулись с ранее учрежденными губерниями и сенатом и не были достаточно точно согласованы во взаимных функциях.

Сенат постоянно требовал новых указов. “Делайте по своим соображениям: как я могу вам указывать из-за такой дали!” – пишет Петр, увлеченный военными и политическими делами. Введение новых учреждений было подготовлено “стихийно”, обсуждалось “коллективно” сотрудниками Преобразователя. Но коллегиальная система требовала от русских непривычных для них самостоятельных общих действий. Реформа не могла национализироваться, совершенно выродилась, потеряла

сущность, осталась одна форма. Взятки, казнокрадство и медлительность в делах вскоре напомнили русским “московскую волокиту”. Чтобы обеспечить законность и порядок, необходима была новая коренная реформа государственных учреждений.

Централизация государственной власти при Петре достигла своего высшего развития. Народ прежде всего должен был отстоять свое политическое бытие. Одна часть населения обречена на пожизненную службу государству, другая должна была работать в крепостной зависимости для поддержания и удовлетворения высших сословий. Главные средства государства тратились на содержание военной силы. Положение многочисленного класса хлебопашцев во многом ухудшилось против прежнего.

Завоевания, сделанные при Петре, главным образом преследовали экономические и культурные цели. Вследствие приобретения морских берегов возникли новые отрасли промышленности и внешняя торговля. На фабрично-заводскую деятельность правительство обращало особенное внимание. Кроме казенных фабрик, учреждено было множество частных. Правительство освобождало первого устроителя от казенной службы, приказывало продавать произведения русских фабрик дешевле, давало субсидии и разные льготы промышленникам. При Петре учреждены были частными лицами и компаниями новые фабрики: полотняные, суконные, шелковые, писчебумажные, игольные и пр.; заводы: сахарные, крахмальные, кожевенные, железоделательные и пр. – в Петербурге, Москве, Казани, Астрахани и во многих губерниях.

В то же время, вследствие открытия новых путей сообщения, необыкновенно успешно развивалась внешняя и внутренняя торговля. Летом 1722 года к Петербургу пришло с товарами 116 иностранных кораблей, к Рижскому порту прибыло 231 и отошло 235 кораблей; пошлин с товаров взято 125 тысяч ефимков. Правительственные агенты пишут, что в заграничные порты явились русские корабли. Указано печатать прейскурранты иностранных товаров в главнейших городах Европы, “дабы знали, что дешево или дорого”. Морская торговля быстро развивается: в 1724 году к Петербургу прибыло уже 240, к Выборгу – 28, к Ревелю – 62, к Нарве – 115, к Риге – 303 иностранных корабля с разными товарами. Из Константинополя Неплюев пишет царю: “Не только полезно, но и нужно в настоящий союзный договор внести, чтобы были русские консулы в Шемахе и в крымских городах – Хотине, Бендерах и Перекопе”. Из всех областей Двинской системы возят товары в Архангельск; пенька вся идет в Петербург; в Нарву доставляют товары псковичи; на реках Косиле, Двине и

Торопе грузятся для Риги; усиленно идут работы по Ладожскому каналу, чтобы открыть водный путь из Москвы в Петербург.

Но нравы и обычаи, несмотря на строгие указы и многие общественные перемены, улучшались крайне медленно. Русские купцы не оставляли своих некультурных привычек даже при сношениях с иностранцами. В заграничные порты приезжали с разною безделицею, с самым незначительным товаром. В Стокгольм, например, привезли деревянные ложки, немного полотна и каленые орехи, открыли мелочный торг на улицах и варили себе кашу у моста, вызывая всеобщие насмешки. Бестужев доносит в Петербург: “Русские купцы никакого послушания не оказывают, беспрестанно пьяные, бранятся и дерутся между собой, отчего немалое бесчестие русскому народу, и хотя я вашего величества указ им и объявил, чтобы они смиренно жили и чистенько себя в платье содержали, но они не только себя в платье чисто не содержат, но некоторые из них ходят в старом русском платье, без галстука, также некоторые и с бородами по улицам бродят”. Такую неряшливую, грубую жизнь они вели и у себя дома; на разные улучшения в торговле и технике мало обращали внимания; обязанности самоуправления признавали лишнею тягостью; ратманы в заседания не ходили и вообще купечество не могло приобрести значение денежной аристократии; администрация по-прежнему презрительно относилась к промышленному сословию. “В Коломне в магистрате у отправления многих дел один бурмистр, а другого бурмистра Ушакова, едучи мимо Коломны в Нижний Новгород, генерал Салтыков бил смертным боем, и оттого не только в Зарайск, но и в коломенский магистрат ходит с великою нуждою временем. А с другим бурмистром такой случай: обер-офицер Волков, которому велено быть при персидском после, прислал в магистрат драгун, и бурмистра Тихона Бочарникова привели к нему, Волкову, с ругательствами, и велел Волков драгунам, поваля бурмистра, держать за волосы и за руки, и бить тростью~ драгуны били палками ратмана Дьякова, также били городского старосту, и, за отлучкою этих битых, в Коломне по указам всяких дел отправлять не могут”. Из всех магистратов присылаются в главный длинные списки обид купцов и посадских, наносимых служилыми людьми. Администрация часто произвольно захватывала молодых купеческих людей и подвергала жестокому заключению; несмотря на представления главного магистрата, их не освобождали и не пересылали в его ведомство.

В дореформенной России никогда не существовало того согласия, единения земли, как совокупности свободных народных общин, и власти, как охранителя порядка и внешней безопасности, о которых так много

говорили старые славянофилы. В Московском государстве население также разделялось на высшие и низшие слои крепостничеством и приказным правлением. Пирамидальное строение общества теперь обозначается резче. Правовые и имущественные неравенства усиливаются различием в степени и типе культуры. В высшие классы проникли чужеземные понятия, нравы, обычаи, новые начала образованности и общественности, ничего не имеющие общего с народным мирозерцанием и укладом народной жизни. Население городов быстро увеличивалось развитием торгово-промышленных и административных центров. Основание столицы на окраине, близ моря, в отвоеванной от шведов области, положило начало новому периоду в русской истории.

Государственный строй, приспособленный к военным действиям, постепенно реорганизуется. Процесс раскрепощения сословий тянулся полтора века. Реформа Петра подверглась оценке прежде всего с точки зрения привилегированного класса. Эпоха преобразований рисуется в его воображении в самом мрачном свете. Представитель благородного дворянства (архив князя Воронцова) так смотрит на деятельность Петра: “Петр был гениален, полон энергии, стремился к улучшению, но у него не хватало воспитания сдерживать свои порывы. Полный насилия, деспотизма, он обращался со всеми, как с рабами. Считать Петра за творца России было бы самым грубым заблуждением; его творение не более как “мнимое”. Знаменитая княгиня Дашкова в своих записках говорит: “К чему было посылать знатных людей за границу учиться ремеслам и делать из дворян каких-то садовников, кузнецов, рудокопов? Если нуждались в рабочих руках, то каждый дворянин охотно послал бы за себя трех-четыре человек своей дворни”. Мало-помалу дворяне освобождаются от обязательности государственной службы. Жалованная грамота 1785 года завершила дворянскую эмансипацию. Писатели того времени указывали и на другие недостатки реформы. В старом быту, в упраздненных порядках, находили много положительных сторон (Болтин); подражание Западу осмеивалось в его крайностях (Новиков); повреждение нравов в России приписывалось новому строю жизни. Но заслуги “великого в монархах и человеках” не отрицались. Князь Щербатов, делая примерное вычисление, “во сколько бы лет при благополучнейших обстоятельствах могла Россия, сама собой, без самовластия Петра Великого, дойти до того состояния, в котором она ныне есть, в рассуждении просвещения и славы” – приходит к выводу, что только – в 1892 году. В XIX веке реформа обсуждается в связи с вопросом о значении государственного начала и последствиях западных влияний на русскую жизнь. Славянофилы доказывают, что преобразования

совершенно исказили характер наших частных, семейных и общественных отношений. “Государство совершает переворот, – говорит К. Аксаков, – разрывает союз с землею и подчиняет ее себе, начинает новый порядок вещей~ Изменяя земле русской, народу, государство изменяет и народности”. И. Киреевский устанавливает два типа цивилизации: “Одна образованность есть внутреннее устройство духа силою извещающейся в нем истины, другая – формальное развитие разума и внешних познаний”. Первая принадлежит русской национальности, вторая – достояние Запада. До Петра государство не было признано всенормирующей силой: “государственной власти отведен свой определенный круг деятельности, за пределами которого начиналось господство земли, земство”. Петербургский период – по представлениям славянофилов – представляет насильственное сочетание особых культурных типов, России и Европы, двух разнородных миров.

Исходной точкой суждения о реформе долгое время служило убеждение в возможности крутых и внезапных переворотов, не подготовленных всем предыдущим ходом истории. Крупная фигура Преобразователя стояла в центре событий, привлекала к себе всеобщее внимание. В идеологических построениях славянофилов он приобретает чисто символический смысл; в глазах практических деятелей – значение творящей воли, сознательно, преднамеренно действующей, спасительно для одних, губительно для других. Отсюда “взгляд на Петра Великого как на какого-то чуть не Робеспьера~ упреки в том, что он был антихрист, заклятый иностранец и нестерпимый тиран”; Петровский период представляется каким-то переломом в русской жизни, неожиданным, беспричинным, как будто упавшим в неба.

Но реформа была только естественным итогом предшествовавшего развития. Задолго до Петра началась борьба крепнущего государства с ветшающим народным укладом. Личность постепенно эмансипируется от стихийно-общинных установлений, власти земли и опеки родового союза; становится в непосредственные отношения к государству. Петр был не вершителем, а только участником перемен во внутренней жизни и международных отношениях. Известно, “сколь много было подготовлено отцом и братом его”. Великий человек только лучше других понял и удачно разрешил назревшие запросы времени. Деятельность его зависела от многих влияний, случайностей и обстоятельств. Прежде чем он изменил среду, эта последняя должна была произвести его. С другой стороны, произвол одного лица, каковы бы ни были его силы, не может изменить течение народной жизни. Главная работа в так называемые “критические

эпохи” совершается за счет запаса скрытой энергии, накопленной вековым трудом многих поколений. Страшным напряжением сил страна вышла на новый путь национального развития. Русский народ не мог бы принять участия в общей жизни европейских народов, если бы представлял собою бесформенную массу, если бы не организовался в политическое целое, в государство. России грозило превратиться в колонию культурных стран; теперь же она приобрела решительное влияние в политическом мире; сближение с Западной Европой обеспечивало за нею результаты общечеловеческого развития. Северною войною совершен мировой переворот: положен краеугольный камень политической самостоятельности и равноправия славян с германскими и романскими народами. “Никогда ни один народ не совершил такого подвига, какой был совершен русским народом в первую четверть XVIII века. На историческую сцену явился народ малоизвестный, бедный, слабый, не принимавший участия в общеевропейской жизни; с невероятными усилиями, страшными жертвами он дал законность своим требованиям, явился народом могущественным, но без завоевательных стремлений, успокоившийся, как только приобретено было необходимое для его внутренней жизни. Человека, руководившего народом в этом подвиге, мы имеем полное право назвать величайшим историческим деятелем, ибо никто не может иметь большего значения в истории цивилизации”. Таким образом, руководящим принципом в деятельности Преобразователя являлось не расширение пределов отечества, не организация бюрократического строя, но сознание потребности в условиях, необходимых для национального развития на началах общечеловеческой культуры и цивилизации. Идти в настоящее время “по следам Петра” – значит “действовать и рассуждать совсем не так, как действовал и рассуждал в свое время Петр. Именно потому, что он действовал и рассуждал в свое время, а мы в свое. В высшей степени мала вероятность, чтобы в какой-нибудь даже частной области комбинация народных и государственных сил и потребностей настоящего времени оказалась тождественною с соответственною комбинацией времен Петровских. Упускать это из виду – значит, между прочим, унижать Петра, значит предполагать, что он всею своею деятельностью не пошатнул современную ему комбинацию общественных сил”. Экономическая эволюция выдвинула на историческую сцену новые задачи.

Натуральное хозяйство уступило свое место меновому, денежному; на почве промышленного и общественного разделения труда возникли новые классовые интересы; но тем самым нисколько не уменьшилось значение государства как культурного деятеля, как перераспределительной машины,

с помощью своей финансовой системы реорганизующей народное хозяйство. Польза государства и благо народа, сближение русской жизни с общеевропейской, как необходимое условие национального развития, – таковы намеченные “эпохой преобразования” исторические пути и нравственные задачи государственной деятельности.

Источники и пособия

1. Письма и бумаги *Петра Великого*. Т. 1 – 3. – СПб., 1887 – 1893.
 2. Архив князя *О. А. Куракина*. – Саратов.
 3. *Бестужев-Рюмин К.* – Журнал министерства народного просвещения, 1872, № 6.
 4. *Брикнер А.* История Петра Великого.
 5. Петр Великий и его армия. – Военный сборник, 1872, № 6.
 6. *Герье.* – Журнал министерства народного просвещения, 1870, № 1 – 4.
 7. *Грот Я.* Записки Императорской академии наук. Т.21, кн.1.
 8. *Дьяконов.* Власть московских царей.
 9. *Кавелин.* Сочинения. Т.1.
 10. *Костомаров.* Русская история в жизнеописаниях ее главных деятелей, вып. 6.
 11. *Леер.* Петр Великий как полководец. – Военный сборник, 1865, № 3 – 4.
 12. *Милюков П.* Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого.
 13. *Михайловский Н.* Следы Петра Великого. – Сочинения. Т.1, изд. 1896 г.
 14. Отзыв Петра Великого о наших отношениях к Европе. – Русский архив, 1874, № 6.
 15. *Павлов-Сильванский.* Проекты реформ в записках современников Петра Великого. 1897.
 16. *Погодин.* Семнадцать первых лет в жизни императора Петра Великого.
 17. *Соловьев С.* История России с древнейших времен. XII – XVIII ст.
 18. *Устрялов.* История царствования Петра Великого. Т.6.
 19. *Шмурло.* Петр Великий в русской литературе. – Журнал министерства народного просвещения, 1889, № 7 – 9.
 20. *Шубинский С., Петров П.* – Альбом 200-летнего юбилея Петра Великого.
- Авторы: Аксаков, Белинский, Голиков, Градовский, Добролюбов, Забелин, Киреевский, Латкин, Пыпин, Трачевский и др.
-

notes

Примечания

1

Горестъ (стар.) – ныне: горе, скорби, печали, тоска

Досчаник (дощаник) – речное перевозное судно, плоскодонное, с мачтой; большая плоскодонная лодка, с палубой или полупалубами

3

Бомбардир – солдат для прислуги у бомбардирного орудия; старший канонир

Карльскруна – порт в Швеции

5

добыча птиц, зверей, рыбы

6

Первым русским гражданином (*фр.*)